

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
МЮД

1995
№ 17

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Летнее питание

Доктор Вад. МУРАЛЕВИЧ

В состав пищи человека входят несколько видов питательных веществ, которые содержатся в продуктах в различных соотношениях. Это белки, так называемые углеводы и жиры (крахмалистые, сахаристые вещества), жиры, соли, вода, вкусовые вещества, и витамины и липиды. Для благосостояния человека необходимы определенные пропорции всех питательных веществ: при отступлении тех или других из них человек обязательно страдает. Человек не может питаться одним хлебом: углеводов в нем много, белков же и жиров недостаточно. В мясе огромный недостаток углеводов, чтобы его поправить, оно должно быть с хлебом 5—6 фунтов, что выводит никакой желудок. Поэтому самым здоровым питанием будет смешанное, в котором едят вместе с хлебом как растительные продукты, так и мясные, более богатые белками. Еще недавно наука не придавала значения тому; употреблялись ли в пищу свежий растительный продукт или нет или никак консервированный.

Но теперь оказалось, что некоторые виды витаминов содержатся исключительно в свежих продуктах и исчезают из них при долгом хранении, жарке или заморозке. Поэтому продукты, что отсутствием одного витамина об'ясняется появление такой болезни, как цинга, отсутствием другого витамина—развитие отечной болезни и т. п. Это не было известно в стародавние времена по полемическим странам, и эти цинки сильно страдали от цинги, хотя, казалось тогда, все было предусмотрено и питание было доброкачественно. Сейчас придется коренным образом перестроить список продуктов, необходимых для всякого рода пищевых норм и лайфов. Первыми свежее луна, петрушка, укроп должны значительно поместиться в наших глазах, а молоко и коровье, а также постное масло—хотя бы в небольших количествах—обязательно должны войти в пищевую норму каждого трудящегося.

Разные времена года требуют определенной разницы и в питании: зима требует от пищи большего количества тепла, а лето более важно жироные вещества, значит углеводов. Источники витаминов должны быть свежее фрукты—яблоки, молоко (только не стуженное, в жестянках). Весна и осень в таком количестве пи-

тания не нуждаются. Лето, особенно позднее—расцвет витаминов; и эти расцветом надо пользоваться. Это время свежих овощей, фруктов, ягод, время отхода от пищи животного происхождения, пищи более консервированной, более гликозидной на нервную систему. Наше безотлагательное стремление к зелени чиста, однако, скрывает в себе некоторые слабые стороны. Растительные вещества с большим трудом перевариваются и усваиваются нашими пищеварительными органами. Отсюда легко появляются расстройства. Особенно легко их вызывают сливки, дажи. К тому же летом пища палит, летнее мухи, всякого рода другие загрязнения часто гораздо менее привлекают к себе внимание, чем это следовало бы. И, наконец, жар влечет опосредованно появление желудочно-кишечных заболеваний. Кровь в большей своей части приливает к коже, внутренние органы ее содержат сравнительно мало и работают поэтому слабее. А в малом количестве непрерывную работу даже заставляют кровь стянать от них, неумеренно прибавка к морозному и прохладительным напиткам. Доброосветно приготовленные морозные, холодные напитки могут освежить летом; но только их следует употреблять, если вы не в слишком разгоревшемся состоянии, а в остальных—в умеренном количестве. Вообще количество пищи летом должно быть уменьшено; потеря аппетита у жары—прекрасное приспособление своего организма. Летнее питание должно быть легким, по преимуществу растительным и богатым жидкостью, который так много терять посредством пота.

Другого рода прехом получается у нетрудовой молодежи по отношению к продуктам неидеальным, особенно плохим—бывает дело при появлении настоящих эндемий жары или коровьего поноса (дизентерии). Правда, самостоятельно заболеть этими болезнями нельзя: они являются от заражения специальными бактериями; но для этих бактерий необходима подготовленная почва, необходимо ослабление тех защитных сил организма, которыми обычно он сопротивляется. А такое ослабление как раз и получается при желудочно-кишечных расстройствах. Поэтому вполне уместно особое внимание к вопросам питания.

Эта сеть охватывает пролетар самолет и причисляет аварию.

АЭРО ПОЧТА

В Германии почтовые самолеты забирают и сбрасывают почту в промежуточных городах, не снижаясь. Для пересылки почтового груза по воздуху в следующий образ: груз прикрепляют на ящик к 2-м столбам, при чем канат образует треугольник. Низколетящий самолет бросает якорь,

Почтовый самолет снижается.

заплетает веревку на верхней стороне треугольника и поднимает его на воздух.

Дальше ток с почтой подтягивают веревкой к самолету и грузят на борт.

НОВЫЙ ФОТО-АППАРАТ АМЕРИКАНСКОЙ ГИДРО-АВИАЦИИ

На гидропланах американского военного морского флота введен новый фотографический аппарат, дающий возможность быстро производить четкие съемки местности.

Летчик с аппаратом

По отводу военных специалистов фото-аппарат представляет целое достиженье в воздухоплавательном деле.

Почтовый ящик.

В Полянском (Москва).—Не походит. Рассказ слаб вообще, а тем более для конкурса. Тема разработана неудовлетворительно.

Практику (Муром).—Твой рассказ "Малые и большие", несомненно, заслуживает внимания, но по теме он подходит больше для журнала крестьянской молодежи, чем для нас, куда мы его и переслали.

Корсакову (Москва).—Не походит. Очерки прислал—но только больше содержательные, чем рассказы.

Асафьеву (Тамбовской губ.).—"Крипичник" поладит. Пиши еще.

Кощееву (Ульяновск).—Твой рассказ не походит. Надо читать побольше художественной литературы, если хочешь писать сам. Кроме того, ищи в нашем мире о том, чего он не видел, никак нельзя рекомендовать. А ты пишешь об Италии, зная о ней только из газет и книг.

Безбородкину (станция Гривны).—Не походит. Прислал заметки или очерки об окружающей тебе жизни.

Арбуеву (Одесса).—Рассказ не походит. У тебя есть некоторая наблюдательность. Используй ее для писания очерков, картинок из знакомой тебе жизни, а в рассказах не торопись.

Б. Дилееву (Астрахань).—"Крыса" сделана плохо. Писать ты можешь, ки, заметки. Ты просишь сказать, что надо сделать, чтобы уметь писать рассказы? Такого рецепта не существует. Но совет дать мы можем. Пиши для себя, не посылай ни в какие редакции, читай на языках, прислушивайся к разговорам ребят и девочек, читай современную и старую художественную литературу.

Тигру (хутор Громковский).—Письмо очень слабое. Налепят тебе не можем.

Для того, чтобы писать بهتر, нужно много читать, помимо хорошего знакомства с художественной литературой в этой области. У тебя есть чувство юмора в некоторых местах, но это все, что можно сказать о письме. Что касается сюжета, то тебе нужно выбрать самоду.

Лугачев (Сельцо-Матюшенко).—Отвечено письмом.

Василину (Самарканд).—Стихи очень слабые. Поэты не могут. Проза лучше, но из нее не вытекает мысль, которую ты высказываешь в письме. Если ты некоторые свои умения писать обратишь на описание жизни, обслуживая себя, то вероятно получишь нечто более приемлемое. Прислав. Ответим Твою легенду мы переслали по твоей просьбе в "Комсомолю".

Ганину (пос. Уварова).—Ни рассказ, ни стих поэты не могут. Стихи выжуд не годятся, рассказы тоже слабые. Прислав. Очерки или заметки.

Степенякову (Калуга).—"Первая ласточка" была бы не плохо, если бы ты ее написала живее. Писать очерки ты можешь, и мы будем ждать от тебя материала, но старайся делать их занимательнее, да не мшало бы и короче. "Вступление белых" не походит. Скудно. И ты другое пересылаю по твоей просьбе в "Красноармеец".

Н. Лягу. В—Одессе редакция по поводу присланного тобой заявления.

Ивякин (Москва), Крюкову (Баку)—не подают.

Вакowski (Киев)—подают в ближайшее время. Прислав. Письмо.

Личным (Ростов-Дон)—ответно бы своим письмом.

Новости науки и техники

"ВОЗДУШНЫЕ СЕТИ"

Японская авиация делает в настоящее время испытания "воздушных сетей", вмещающих немалое количество самолетов. Изобретатель их—инженер Такэо-Такаги. Прикрепленные к парашюту, сети высыпаются в воздух в особых бомбах из бомбошета. При разрыве бомбы парашют вываливает из нее в воздух раскрывающиеся в между ними натягивается огромная сеть.

СОДЕРЖАНИЕ: М. СВЕТЛОВ—6-ое сентября* (стихи). Б. ПАЛ И ПЕШ.—"Иван Влдимир" (рассказ). Г. ЧИКИФОРОВ—Сяде дни* (рассказ). И. ЛЯГУ.—Пети рабочие "Залпата" (очерк). М. ЛЯГУ.—"Наши будни" (письмо из Германии). М. ВЪЛБИН.—"Одиннадцатый" (статья). В. ЯКУБОВИЧ—"Марокко" (очерк). А. И. ШИШЦЕВ—"Авиация в Германии" (статья). В. Я.—"Там где и в том месте" (черк). Н. В. ГЛОВА, МИХАИЛЕНКО.—"Свет на службе человека" (статья). Г. ГРИГОР.—"Букетом" (статья). СТРАИЦА ЮНКОВА—"Аки"—Шопер и Вольфа" (рассказ). В. МУРАЛЕВИЧ.—"Летнее питание" (статья). В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ и И. ЯВЛОНОВСКИЙ.—"Книги по физкультуре" (библиография).—НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ.—ЗАДАЧИ, РЕБУСЫ, ШАРАДЫ.—Почтовый ящик.—Объявления.

Особенно работы художника П. ПОКАРЖЕВСКОГО. Иллюстрации художников В. Р., А. ПАПТЕВА, К. УРБЕТИС и др. Фотографии С. КРАСНОГО, А. ШИЛЕНКОВА и др.

РЕДАКЦИЯ: А. Горюк, П. Колесников, С. Соболев, С. Федоров, Д. Ханян.

Отв. Редактор Л. КОЛЕСНИКОВ.

СМЕНА*

- приложение к газетам
 1) «МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ» — орган Московского К-та РЛКСМ.
 2) «НА СМЕНУ» — орган Уралборца Центрального К-та РЛКСМ.
 3) «МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ» — орган Центрального К-та ЛКСМУ.
 4) «МОЛОДОЙ ШАХТЕР» — орган Донецкого Губкома ЛКСМУ.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
О Р Г А Н

Центрального и Московского Комитета Р.Л.К.С.М.
ИЗ-во «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

за 1925 год

№ 1 год — 24 ном. 5 руб. 00 коп.
 • 6 мес. — 12 2 . 75 .
 • 3 1 . 00 .

РЕДАКЦИЯ И МОТОР

Москва, Новая Палашка, д. 67. Тел. 1-85-12
 Рукописи редакцией не возвращаются

№ 17

1 СЕНТЯБРЯ

1925 г.

ШЕСТОЕ СЕНТЯБРЯ

Стихи М. СВЕТЛОВА

В годовщину войны заграничные компартии произвели ряд внушительных демонстраций. Они протекали под тем же лозунгом, что и первые празднества МЮД'а: «Долой войны, происходящие и грядущие!». На фотографиях: демонстрация коммунистов в годовщину войны на Люкстгартен в Берлине. Вверху г. Шолем произносит речь.

Сквозь года,

сквозь сумрак накаленный,

Головы отдав огню,—
 Двигались широкие колонны
 К юнишескому дню.

Каждый юноша! Он был тебе знакомым,
 Он тяжелой лапою орга,
 Трижды священный
 и трижды переломан,
 Все еще вперед шагал.

Удивляются другие и понимают:
 Как смогли мы, как смогли дойти...
 Ведь, горит еще кровавый иней
 По всему рабочему пути.

Вперед тяжелая дорога,
 Позади — громады прошлых лет...

Эб!

Сильнее упирайте ноги
 В царство наступающих побед!

Мы взялись, и мы его докончим
 Это дело —
 дело стариков!

Голос!
 Кричите, пойте громче
 Над тяжелой музыкой шагов!

Кто это со мной рядом?
 Это ты со мной, товарищ Джон,
 Прожигаешь пепелами взглядом
 Бесконечные ряды знамен!

Солнечной дороги Комсомола
 Никому вовек не обогнуть,
 И раскосые глаза монголов
 Смотрят прямо на широкий путь.

Песни пойте, заливайтесь жарче,
 Дружно в ногу, молодая рать!
 В день международный ярче
 Будет солнце души обливать.

Кто отец, и кто отниме мать нам?!
 Кто детьми нас нежно назовет?!
 Отучились поворачивать обратно
 Ноги,
 устремленные вперед.

Пусть же кутает нас черным дылом,—
 Мы умрем и сквозь дым смотреть,
 И под знаменем родного КИМ а
 Умирать,

и жить,
 и петь!

ИВАН БЕДНЫЙ

(Перевод с венгерского)

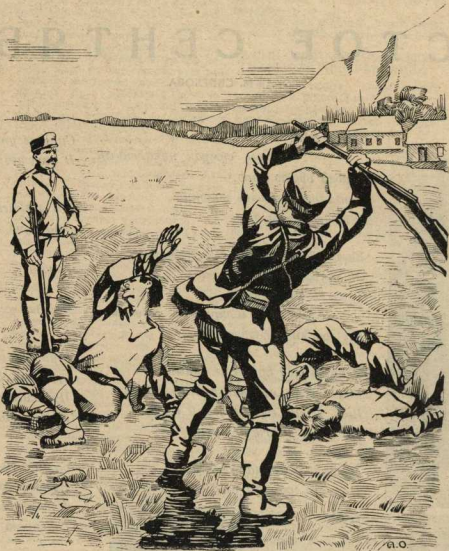
Рассказ БЭЛА ИЛЛЕШИ, иллюстрации А. Б. ОСИПОВА

ТРИ ТРУПА окровавленных лежали на распоттанном луту! С ружьями у ноги два жандарма охраняли покой мертвецов. Палаящий зной. Соломенные крыши выстроенных у подножья горы изб накалились в солнечной жаре. Капрал устремил свой взгляд в сторону скрывшегося за холмом леса, словно желая глазами приказать тени спуститься на луг. Вахмистр разглядывал мертвецов с усталым добродушием после недавних неистовых взрывов бешенства. Однако, жандармские глаза не могли залечить проколотые жандармскими штыками раны.

Один из мертвых крестьян лежал спокойно на спине, словно спал; лишь его длинные, жирные волосы были растрепаны, и на шее зияло красное пятно, величиной не больше мака. Этот несчастный имел позади себя долгую жизнь. Возраст его соседа невозможно было определить; голова его была совершенно разможена ударами прикладов и каблуков. Третий мертвец — худощавый парень, был поражен пулей в спину. Он лежал ничком, зарывшись лицом в землю, словно лица в ней убежища от убийц.

— Гляди-ка! Гляди! Один еще жив.

Капрал вздрогнул. Вахмистр передал ему свое ружье и опустился на колени перед худощавым парнем. Ловким движением рук он его перевернул на спину и убедился, что он не ошибся. Иван Бедный дышал еще, издавая еле слышные стоны. Когда вахмистр, следуя своим познаниям в полчае первой помощи, твердой рукой приподнял раненого в сидячее положение, измученная голова парня беспомощно упала на грудь, и из

Жандарм изо всей силы ударил прикладом по черепу раненого.

посиневших губ хлынула кровь. В своем старании привести его в чувство он начал сильно трясти парня, попуская его подбавляющим данному случаю словами. Видно было, что эта необычайная работа совершенно вывела его из спокойного состояния.

Так как, однако, ни понукивания, ни энергичное встряхивание не возвращали парню сознания, вахмистр, наконец, от

силы ударил прикладом по черепу раненого.

Иван Бедный лежал неподвижно на помещицьем лугу.

Автор — венгерский коммунист, работающий сейчас в СССР. Печатаемый набросок был помещен в свое время в «Юмавиз», «Ротэ Фанз» и других органах зарубежных компартий.

*А потом, в Октябромском ударе,
Школа вместе с детством отпала.
На завод ушла в конюшар,
А его полтучка уехала.*

*И когда мне стукнуло семнадцать,
Захлестнула вимской волной.
Хорошо мне к счастью пробралась
Комсомольской, песенной весной!*

*На завод бороваго не длинной
И шалою зоркой молодобой:
Грива за прилавок магазин
Уже стоит, как верный часовой.*

*И пока я в гул не окунулся,
Гул, в котором сердцу веселей,
Думало о тех, кто захлебнулся
За кормою наших кораблей.*

БЕЛОРУЧКА

*Старый мир, как бездомная сучка,
Поднимает облезлый хвост.
Эх, зачем я, зачем белорукой,
А не парнем рабочим рос?*

*Не зазлужите мысли широк,
Все равно я хому кричу.
Как люблю я фабричный завод,
Как хочу я рабочим стать.*

*Пусть меня эти мысли жалят
Раз'яренною стаей пчел.
Я хотел бы с отцом скандалить
И с матерью горячо.*

*Искалечена жизнь, как сучка,
И побитой поджала хвост.
Эх, зачем я, зачем белорукой,
А не парнем рабочим рос?*

НИК. ЕМЕЛЬЯНОВ

ЗА КОРМОЙ

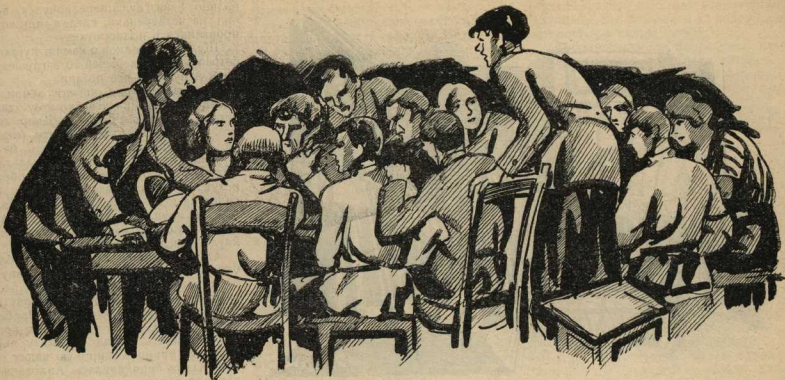
*Эх, припомнить старое сумей-ка,
Размотай споманулся нить!
Помню: прежде на одной скамейке
Гривы школьной мудрости вранить.*

*И хоть резко разлилась годами
Наших лет короткая дуга,
Были неразлучными друзьями
Я и этой бойкой мальчугой.*

*Он был много старше и сильнее,
Но к учебке неохотно ник,
И случалось часто — заестерек
Девочками кудрявыми дневник.*

*Да и я любил шалить, бывало,
Полетели молнией часы.
Если книжка в руки попадала,
Открывая сказочную синь.*

ПАВЕЛ ЕСЕЛЬСОН

СЕДЫЕ ДНИ

ГЕОРГИЙ НИКИФОРОВ. Иллюстрация С. ВОЛУЦКГО

ДНИ ПОЛЗУЧИЕ, медленные, острожно на всех тормазах скользят по извилистому скату. Где-то за поворотом дышет замкнутая река, дышет так, что высокая грудь берегов дрожит мелкой дрожью, распирает их, разбегаются берега далеко врозь. Скоро ахнет буйная вода, вцепится в устои береговой запруды, завертит и выбросит обломки.

Дни крадутся к реке, тормаза под уклон все слабее.

Андрейка по-кошачьи влодь стен по тупицкам и переулкам, видно у него заговорщицкое.

Первые ворота, а за воротами спрятались невидимые хибарки, укрывшись с улицы этажами показных каменных домов. Тут целый поселок: улицы и закоулки — заплутать можно.

Жизнь крикливая, жадная до солнца, связанная и оттого озлобленная, расплзалась по всем дырам.

Перед окнами на ставнях и веревках выстиранное белье пахнет мыльной водой, кухонными испарениями и непросушенной ветошью постели.

Принохиваясь, Андрейка пробирается между деревянных флигелей и сараев. За углом, приткнувшись у серой стены каменной машины, хиленький под красной крышей домишко, широкий в боках, приподсучный и скобосбившийся, смаявлет око на древнюю старушку под красным платочком. Села старушка под раскоряченными узловатым тополем отдохнуть.

Над воротами порядковый номерок — веселый и живой глас в одну цифру 6. Внизу тесно выведено:

«Дом И. М. Утробинина».

Первое от крыльца окно, заставленное жирными цветями, за ними жилищная кремовая занавеска, потертая и обвислая, должно быть, провозглая; хвоя осень не мало холодных слез выпалака в нее. Или это день нахмурился.

— Осторожко, — учил Анто.

— Это ладно, знаю, говорить нечего. Андрейка сунулся за пазуху, ошупал карман, подошел ближе к дому, легонько прокашлялся и стукнул в окно.

Занавеска приподнялась, показалась рука, махнула и скрылась.

Где-то тоненько попискивала детвора. Шум города доносился сюда неясно и мягко. Тут так глухо и пустынно. За беспорядочной грудой столпившихся домов трудно отыскать человека, и было такое чувство, что где-то в улицах города ходят зоркие люди и следят, напрягая зрение и слух. Высматривают, но этого угла не найдут, не знают ходов...

Частые дробные шаги.

Андрейка подошел к крыльцу. Двери чуть-чуть приоткрылись.

— Заходи сюда, никого нет. Тебя кто послал?

— Антон, брат мой. Мне Надю Утробину, курсистку.

— Я — Утробина.

Шель двери увеличилась, вышла она, укутанная в шаль. Шаль с головы девушки упала на плечи, лицо открылось.

Андрейка оробел и смугтился: в густых волосах Нади заупало солнце, день прояснился, пасмурные облака порозовели между стен домов, в лужи грязного двора упало синее небо.

Что было две недели назад Андрейка на минуту забыл. В это не верилось. И ноябрь, холодный, со скрипучими внутренними заморозками, казался ласковым и теплым.

«Красивая, что твоя невеста», — думал Андрейка.

Проскочил боком в дверь и передал письмо.

В большой полутемной комнате, куда они вошли, Надя, сбросив шаль, оказалась совсем маленькой и такой верткой, будто пушечный по полу волчок.

— Совсем денечка, решил Андрейка. Куда годится такая-то, ударь и рассыплется. Хы. В забастовщики суется тоже, тут тебе..

— Антон пишет: передай прокламации Андрейке, — оборвала Надя размышления посылного. — Ты и есть Андрейка? Молодец, толковый парень.

Не давая возможности открыть рта, продолжала:

— Передай то, я передам, только смотри — не нарвис: шпика везде.

— Вот еще, — обиделся Андрейка, — не двух лет по третьему. Я знаю, в первый раз что-ль?

Надя улыбунулась:

— Не в первый? Ну, хорошо. Раздевайся.

— Зачем? Мне итти надо.

— Фу, чудака какой! Увидишь — зачем.

Андрейка, все еще недоумевая, разделся.

Надя подошла к двери, открыла ее, просунула в щель наличника лезвее топора. Крикнув, отвалилась доска, показались широкое отверстие.

— Во дак-так, — изумилась Андрейка, — ловко. Потайной шкаф. Это, левка, я понимаю, никто не догадается даже.

Надя запустила руку в отверстие.

— Держи, Андрейка.

К ногам полетели две связанных пакки прокламаций.

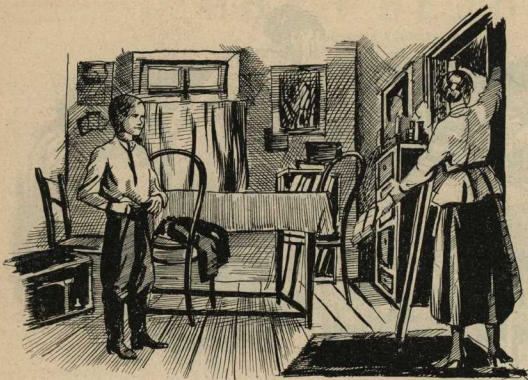
Доска была пририта на место. Надя быстро разложила прокламации маленькими стопками, завернула в газету.

— Подними рубаху, давай ремень, — командовала она.

Андрейка послушно оголил живот, он понимал, в чем дело. Надя положила сверток широкий, как полотенце, полой, на голое тело, оправила рубаху, затянула ремнем.

— Понял, товарищ Андрей? Одевайся теперь, вот так все в порядке. Записки я не пишу. Передай Антону: двенадцать часов попарно — пароль: свадьба Дудкина, запомнишь? Или осторожней, не попадись, смотри, — повторила она.

— До свиданья, приходи с Антоном..

К ногам повелили две связанные пачки прокламаций.

... Чувствовал себя героем перед рабочими, собравшимися у Антона. Шепнул брату.

— Вот они здесь, куда с ними, — хлопнул себя по животу.

— Принес. Давай, выкладывай, не стесняйся — свои, все тебя ждем.

Андрейка деловито разложил пачки прокламаций на стол.

— Что написала? — продолжает спрашивать Антон.

— На словах велела передать: в двенадцать, говорит, попарно, чтобы. Скачивать: свадьба Дудкина.

— Так, молодец Надька, с умом девца, — одобрял Антон.

— Ну что-ж, товарищи. Надо все это успеть рассеять. Ты как, Андрейка, с нами или дома останешься?

Андрейку дернула за уши краснота — обидно показалось.

— Ну да, с вами не сумею, думаю? Ты, ладно, мамка, не шерши, все равно уйду!

— Валай, валай, не возражаю, — смеется Антон. Забирай себе пачку, со мной в паре поешь. Глаза в зубы, на шпика напорешься можно, не подкачай.

— Хы, — смеется Андрейка по-серьезному и уверенно всовывает голову в ушающую пачку.

Вышли вместе все десять человек. Неразговорчивые, с глазами острыми, с хмурыми улыбочками.

Ночи осенние, появляются в улицах с злыми песнями, с холодными ветрами, мохнатые ночи, с лучшими лапами, бьют в лицо, толкаются под ноги.

Пресня притихла и притаилась. Надо пройти всю улицу до самого конца, туда за главные мастерские, где улица густо утыкана лагурами рабочих.

Андрейка шагает, опуская ногами неровную дорогу, по другой стороне еле различимой тенью крадется, прижимаясь к стенам, Антон. Андрейка чувствует его, но не видит. Прислушиваясь к шагам брата, он старается не отставать. Рука ты и дело ныряет в карман; белая, сложенная квадратиком прокламация, лезет

в отверстие ставен, под низ входных дверей, так около каждого дома.

Улице нет конца, и фонарей нет — темно, глаз коли. Очень далеко, когда мастерские остались позади и пошла полотно черной пустой земли, услышала Андрейка осторожный, короткий свист.

Ответа и остановился.

— Теперь в обход, — шепчет Антон: далеко зашли, поздно, — должно быть. Ну, шлепай за мной, потарапливайся надо. А ты герой, я все время думал — задашь деру. Чисто мы дело сделали.

Андрейка молчит. Он целится глазами в каждую особенно темную точку, спотыкается о тумбы и, прислушиваясь, как стучит сердце, вытаскивает руки вперед, робая, помимо воли, перед пустотой ночи.

Перешли одну улицу, другую. Андрейка сбился окончательно и не может разобраться в знакомой ему местности.

Сознание подсказывает ему, что только сейчас вот он делал какое-то большое и таинственное дело; эта таинственность увлекла его. Он представляет себе злобу врагов, когда они увидят разбросанные Андрейкой прокламации. О-хо-хо. Здорово. Враги казались ему в виде толстонорых городовых, каких он часто наблюдал на перекрестках улиц, и еще царя. Андрейка царя не видел, но воображение рисовало перед ним самого жирного городского из всех им виденных. Росту царь должен быть никак не меньше фонарного столба.

Антон, все рабочие и та, похожая на невесту, Надя — против этого царя. О! Они победят. Андрейка в этом уверяет. Он увлекается и продолжает размышлять дальше: Ничего, что городовые стреляют, казаки порют нагайками. Рабочие соберутся — городовых на цепь, царя на веревку, и по Тверской: что попался? Ага, мы тебе зададим...

Конец улицы. Неожиданно сильный толчок, и Андрейка летит в сторону, уларившись о ворота. Слышится лошадиный хрип, над головой что-то свистнуло. Колкая боль резнула ухо и плечо, не-

вольню взвизгнул, перевернулся, вскочил на четвереньки, сделал прыжок и провалился в подворотню.

Шелкяные подков о камни, пугающее фырянье лошадей, чей то заглушенный крик и ругань — все позади.

Не чувствуя под ногами земли, Андрейка мчался по незнакому двору, рискуя разбиться о стены. Двор делал неожиданные крутые повороты, Андрейка падал, поднимался и опять бежал. В конце двора наскочил с разлета на высокий забор, хотел повернуть обратно и тут же почувствовал, что кто-то бросился на него сбоку, ухнул в уши злобный и хриплый лай, выше голенища сапога ожог. Загрянет окаянная, — мелькнуло опасно в голове.

Одним прыжком вскочил на собачью будку, вытаскивал, достал верхнюю забора, дрыгая ногами, перемахнул, не рассуждая, на другую сторону и очутился на крыше какого-то сарая. Пробежал по плоскости, хотел обернуться, но, поскольку знаясь, с'ехал по скату вниз и бухнулся прямо в широкую кадку с водой. Кадка опрокинулась. Андрейка зачерпнул в сапоги воду, кинулся в сторону между уступивших прокивших в сырости деревянных домшек заднего двора.

Беглец слышит за спиной тяжелый топот. Ноги начинают работать со скоростью мотора, дышать перехватывало, ворот рубашки становится тесным. Запугавшись в непроходимо чаще перепугавшихся домов, сарайчиков и заборов, Андрейка, зацепившись о бревно, падает обесшаренный в кучу мусора.

— Куда ты к чертам скачешь? — слышится над его головой знакомый голос.

— Антон, ты-ы?

— А то кто-же. Что думаешь, падать за тобой гонится? Ну и прыток же ты, еле догнал.

— Где мы?

— Очунил со страху? Двор переверем, и Тишинский. У себя, брат, не бойся.

Андрейка, тупея пытаясь что-нибудь разглядеть, стоял, опуская уши — беленные места и отряхивался.

Антон чиркнул спичкой, закурил.

— Ладно тебе туалет наводить, пойдём, ребята заждались, пооди, собрались давно.

Весь в ссадинах и ушибах с расцарапаным ухом и ноющей болью в плече, Андрейка, ворочая и ругаясь, зашагал вслед за Антоном.

— Откуда свалились черти, как треснет сволочь по уху, света не взвидел, в подворотню пролетел даже.

— Не зная.

— Не зная, а ты чего глядел? Вперед шел.

— Разглядишь тут черта, — в свою очередь выругался Антон, — видишь тымщица какая, как в мешке.

Помолачали, всматривая огонек папироски.

— Да ты пошевельвайся, надай ходу, не отставай, — поувал Антон прихрамывавшего Андрейку.

Перекидываясь замечаниями и отплевываясь, приближались к известному дому.

— Да здорово запоздали должно быть, — досадовал Антон, прислушиваясь.

— Конечно же, опоздали, — послышался в темноте голос Нади.

— Свадьба Дудкина, — вспомнил Андрейка.

— Да, хорошо, хорошо, — засмеялась Надя и добавила вполголоса, — все в сборе, вас ждем.

Пришли, дверь легонько пискнула, загремел засов. В сенях болтался огонек свечи.

Что случилось? — тревожно спросила Надя, и взгляд ее глаз ласково и любовно пробежал по лицу Антона.

Ничего особенного, постегали малость. Полюбюся на Андрейку, в грязи вьес. Пропал парень; застает тебя мать.

Прошли. В комнате душно и накурено.

Андрейка сбросил туजूрку, приткнулся в угол. Люди сидели где попало, многие устроились прямо на полу. Лица потные, исклочкоченные головы, расстегнутые блузы, грязные руки прокопченные.

Вопросы Антону:

— Ну, как дела?

— Что долго?

— Заспался?

Антон отвечает с оsobой, несколько ухарской улыбкой, передегивает плечами, говорит вразброс.

Было дело. Задержка вышла по случайности, черт обходом понес. Напугали конные... живнула в сторону Андрейки! — Ему больше досталось.

Надя заставила умыться Андрейку. Капнула чем-то едучим на расчесанное лицо, осмотрела плечо, растерада багровый рубец плуцхей мазью. Все это быстро. Руки мягко перерасивались с места на место, как по голому телу теплая мышь.

Напоила чаем.

В высоком плетеном кресле, откинувшись назад, Андрейка чувствовала себя покойно и тепло. Немного ныла укушенная нога — об это Андейка позабыла сказать. Все тело как будто бы распылалось и оползло вниз. Кажалось, усталость текла с плеч жирными тядучими и тяжелыми струями, она заблудивала глаза, связывала мысли.

Бодрился, болтал из стороны в сторону головой, борясь с дремотой, и наблюдал, вслушиваясь в краткие речи и обрубленные слова.

— Говори, Антон, — сказал сутулый широкоплечий токарь Махалин, — ты с комитетом связал держись.

— Что я, — уклонился Антон, — пусть товарищ Надя скажет.

— Нам нужно указание, как действовать. Связь я действительно держу, а распоряжений мне никаких не передавали, все еще молчат.

— Время-то какое — вставил литейщик Чугаев — тут прохладжаться некогда!

— Вы, товарищ Чугаев, верно заметили, медлить нельзя, — отозвалась Надя и продолжала: — Но и так действовать... как бы это сказать, вслушно, что-ли, тоже не годится. В комитете нет еще определенного решения. Один хотя и поведсти широкую печатную и устную агитацию, другие на оруженном воостанью и есть, наконец, еще третье предложение, которое исходит от партии социалистов-революционеров. Они настойчиво предлагают бросить все силы в крестьянские массы. Вот приблизительно все то, что я имела, передать вам.

— Вот оно и вылет — на обумтара, — опять вешался Чугаев, — черта ли рассусоливать, этак самое горячее

время упустишь. Каждый год, что ли, революция бывает?

— Верно, — поддержали остальные, но дая возможности говорить Наде, — что то уж много разговоров, сейчас только и тарарахнут.

— Чего гадать без толку, — взревался в общий шум высокий голос студента Гурвича.

— Я имею говорить. Ну, чего там! Мне уже известно, товарищи, что скоро Советом Рабочих Депутатов будет выпущено воззвание о всеобщей забастовке. Товарищ Надя знает об этом, да и Антон тоже. Думаю, что я небольшое преступление сделал, если сообщу об этом здесь. Товарищи должны быть начеку и ждать, иначе все пойдет вразброд...

— Товарищ Гурвич, тебя никто не упоминчивал, — оборвал Антон, и по лицу его пробежала досадливая борода гнева; наклонившись он, шепнул что-то оратору на ухо.

— Э-э-э, великий бы подумал, что я не знаю, с кем имею дело, да?

— Правильно, товарищ Гурвич, говорить так уж говорить. Мы тоже на смерть идем, — замушело собрание.

Все сбилось в сторону стола, возбужденно размахивая руками, и не соблюдая необходимой осторожности, кричали кто во что горазд. Особенно волновался Гурвич. Надя едва успокоила собрание, а когда все пятнадцать человек собрались, за исключением дремавшего Антнвхиха, за исключением дремавшего Антнвхиха, дрейски, повинувшись голосу Анды, умоляли, заговорил тогда Ларька — гимназист. Под такой кличкой был известен наборщик Шумилин.

Ларьноу Шумилину было двадцать пять лет, его лицо с резкими бородами морщил на щеках, под глазами и на губ, выбитые передние зубы и страшная худоба чахоточного человека являло собой большого старика, обреченного на смерть. Зато огоньки в глазах, прыгающие искорки оттуда, говорили о высоко-напряженной внутренней силе.

Голос Шумилина был странно гудким, как натянутая шкура барабана. Не говорил — бил пальками.

Бил зло с надрывом и выкриками, прерывая свою речь хриплым кашлем и плевками.

— Видно, товарищи, что мы собрались, неизвестно зачем. Никто, оказывается, ничего точно не знает. Как дальше действовать, тоже никому неизвестно. Эх, вы, собрались Тюха — Матюха, да поддирал Гаврюха, а время не жлет. Нет, товарищи, так не годится; прокламациями, которые мы сегодня рассеяли, да разговорами революция не делается. Революцию делают на площадях с оружием в руках, напором, хоршим ударом. Мы говорим, а черная сотня избивает наших товарищей. Мы читаем прокламация, а нас тысячами загоняют в тюрьмы, запарывают нагайками. Довольно, товарищи, одно из двух: или пополам, или вдребезги, как говорится...

Ларька стукнул о стол сухой ладонью, хотел что-то добавить еще, покраснел и закашлялся.

Андейка вздрогнул, покачулся в кресле, рознял веки над утонувшими в глубоком сне глазами и с недоумением уставился в спины рабочих.

Собрание шумело вопрежнему, клубы табачного дыма подпирали потолок.

Слышал в полусне голос Антона, потом все захлестнула неожиданно наступившая тишина.

Сваливши голову вбок, вытянув ноги, слегка поспавывая носом, Андрейка вновь ползал по только-что продреманым улицам. Удивляясь тишине, он пытался подняться, но прямо на него лева на черной лошади казак, сбoku насканивала и врала за штаны собака, а позади выпирал высоченный забор, нужно было спастись и лезть на огромную высоту. Андрейка цепко хватался за шершавые доски, забор под тяжестью тела с треском валился на землю, сердце, похолодев, уползло вниз живота.

Открыв глаза, осоловело поводит ими, шарил взглядом по углам опустевшей комнаты, замечал лежащего на стульях Антона и успокоивался.

Едва рассвет толкнулся в открытые окна, Надя разбудила обоих. Уходя, Андрейка слышал, как она говорила Антону: Демонстрация двинется от типографии Сытина часов с десяти. Тебе надо переждать и не показываться, за тобой следят. Ночевать можно у товарищей. Слышишь, Антон?

Голос Нади перешел в тихий и ласковый шопот, как-будто бы она стояла у постели больного, уговаривая его принять лекарство. Андрейка перевернул на голове шапку справа налево, поглядывал в сторону говоривших.

Остановившись в растворе двери, Надя протягивала к Антону руки, в гла-

«Зарядит оканчивая» — мелькнула в голове опасность.

зах ее лежала хорошая теплая любовь, и онять на Андрейку плаваю весной, живое солнце плавало на небе.

— Чисто — какая нянька.

Антон же сказал, застегивая куртку: — Не могу, ты знаешь, зачем горю, теперь нельзя скрываться, да и поздно, все равно уж. До свиданья, встретимся.

Дома недоуменная мать, у матери болит сердце, боозливо глядит в окна. Толкнется к Антону, от него к Андрейке и все ворчит, как заведенная.

— Пропадете вы, сверднн на сердце, чуя я.

Уходя Андрейка заметил, как поблескивая никелем, заряжал Антон револьвер. Передернула дрожа.

— Воевать будут заправски. Где и когда — не знал.

Идя с Антоном улицами в беспологадыва гордо по сторонам, отыскивая городских и удивляясь, что их не было. Только около дома губернатора гарцовали конные. Толпа становилась все плотнее и плотнее и почему-то тише толкался на месте, озираясь по сторонам.

Кто-то говорил многолоско:

— Которая боевая дружина?

— Смотри, там впереди, видишь на груди красные бантики.

Хотел Андрейка быть спокойным и смелым, парень стрелянный, — а в груди чувствовалась толкотня и давление.

Все задирали головы вверх на балкон.

— За каким чортом собрались? — спрашивали некоторые, проходя: манья небесной жал, что ли?

С бородой, нежно-белой, расчесанной на-двое, появилась на балконе генерал, за ним офицерство и яркими пятнами женские платья.

Генерал поддался вперед, наклонился и поднял руку.

Ни крика, ни голоса. В театре при поднятии занавеса так.

Голос, с басоватым рокотанием, с барской игрой, с остановками.

— Граждане... Эмм... Я имею счастье поздравить вас, эмм... с монаршей милостью, объявленной манифестом семнадцатого октября, эмм...

В передних рядах замелькали зонтики и шляпы. Хлопки жидкие и неуверенные.

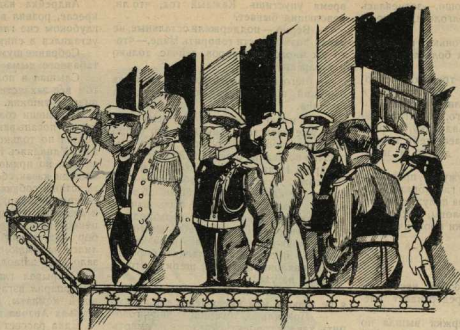
Тишина, затем резкий свист. Крайние отделились, пошли в сторону за угол.

Конные наряды полиции закружились, сверкая лошадей, и тоже покидали влвх.

В минутном молчании — голое.

— Хох, сволотня, одной революцией не вылезешь из нас лакей... И пошли.

— Выхри враждебные воют над нами!.

На балконе появился генерал со снежно-белой бордюр.

Среди толпы или в толпу ахнул тугой и упругий выстрел, как-будто откупились пивную бутылку.

Антона смело в сторону хлынувшей лавиной людей.

Андрейка присел на корточки, раскрыл рот.

Не глядя вперед, бросился вниз по Мховой, проскочил к Кремлю налево. Все время чувствовала: некуда спрятать голову.

Вверху на кремлевских башнях смеялись золотые орлы, внизу скрипели под ветром оголенные деревья.

Остановился, оглушенный внезапно наступившей тишиной.

Стало стыдно самого себя.

Выбравшись кверху, был удивлен пустотой улиц. Очунувшись на набережной, остановился, соображая: в какую сторону лучше удариться. Повернул за угол и выгнулся:

— Тыфу, чемер тебя забери, совсем запутался, чорт.

Приняв вид храброго солдата, зашагал обратно вдоль набережной. На повороте у приземистой стены из красного кирпича остановился, пораженный тягучими, похожими на похоронное, пенем и притаился, напряженно прислушиваясь.

Разобрав слова и победеле. „Бо-о-же, царя храни, сия-ильный державный!“

Вспомнил: черная сотня. Вот она.

И когда выдвинулся вперед, увидел, как посредине улицы с хоругвыми и портретами царя шагали, медленно покачиваясь под звук гима, путаные ряды людей.

Многие были при фартуках, только что выскочившие из лабазов и мясных лавок Охотного ряда, и странно было видеть широкие ножи, болтавшиеся у пояса и пятки крови на белом полотне фартуков.

Укрываясь за выступом, Андрейка наблюдал.

Из окон и дверей выглядывали испуганные лица; проходившие по сторонам торрально снимая фуражки. Лица манифестантов были багрово-красны. Часто, прерывая пенне, выносились крики:

— Шапку, шапку скидавай, свола-а-а! — Что же это такое?

События последних дней как-будто бы отодвинулись в сторону, даже вчерашнее somehow появилось вновь: рабочие собирались на демонстрацию, давали и стелдось в памяти.

Шла и грозила всем пьяная орава.

Продолжала наблюдать. Большие всего хотелось, чтобы сейчас появились рабочие и вместе с Антоном и разогнали бы эту беспорядочную толпу.

— Была-бы потеха!

Он уже выбирал, — кого на него орет камень прямо в пьяную красную толпу. Ему живо представлялось, как побегут манифестанты перепуганным барышным стадом.

Жаль, не было револьвера. Андрейка, не задумываясь, трахнул бы из засады по толпе, так же, как наезд в вместе с Антоном и разогнали бы эту беспорядочную толпу.

— Была-бы потеха!

Он уже выбирал, — кого на него орет камень прямо в пьяную красную толпу.

Ему живо представлялось, как побегут манифестанты перепуганным барышным стадом.

Жаль, не было револьвера. Андрейка, не задумываясь, трахнул бы из засады по толпе, так же, как наезд в вместе с Антоном и разогнали бы эту беспорядочную толпу.

— Была-бы потеха!

Он уже выбирал, — кого на него орет камень прямо в пьяную красную толпу.

Ему живо представлялось, как побегут манифестанты перепуганным барышным стадом.

Жаль, не было револьвера. Андрейка, не задумываясь, трахнул бы из засады по толпе, так же, как наезд в вместе с Антоном и разогнали бы эту беспорядочную толпу.

— Была-бы потеха!

Он уже выбирал, — кого на него орет камень прямо в пьяную красную толпу.

Ему живо представлялось, как побегут манифестанты перепуганным барышным стадом.

Жаль, не было револьвера. Андрейка, не задумываясь, трахнул бы из засады по толпе, так же, как наезд в вместе с Антоном и разогнали бы эту беспорядочную толпу.

— Была-бы потеха!

Он уже выбирал, — кого на него орет камень прямо в пьяную красную толпу.

Ему живо представлялось, как побегут манифестанты перепуганным барышным стадом.

Жаль, не было револьвера. Андрейка, не задумываясь, трахнул бы из засады по толпе, так же, как наезд в вместе с Антоном и разогнали бы эту беспорядочную толпу.

— Была-бы потеха!

Он уже выбирал, — кого на него орет камень прямо в пьяную красную толпу.

Ему живо представлялось, как побегут манифестанты перепуганным барышным стадом.

Жаль, не было револьвера. Андрейка, не задумываясь, трахнул бы из засады по толпе, так же, как наезд в вместе с Антоном и разогнали бы эту беспорядочную толпу.

— Была-бы потеха!

Он уже выбирал, — кого на него орет камень прямо в пьяную красную толпу.

Ему живо представлялось, как побегут манифестанты перепуганным барышным стадом.

Жаль, не было револьвера. Андрейка, не задумываясь, трахнул бы из засады по толпе, так же, как наезд в вместе с Антоном и разогнали бы эту беспорядочную толпу.

— Была-бы потеха!

Он уже выбирал, — кого на него орет камень прямо в пьяную красную толпу.

Ему живо представлялось, как побегут манифестанты перепуганным барышным стадом.

шее серое небо проглотило короткие языки пламени. Студент стрелял вверх, желая, видимо, задержать преследователей. Часть их бросилась назад, но те, что шли ближе к стене, побежали на переем. Путь отступления был отрезан. Не видя спасения, студент заметался в живом кольце разъяренных людей. Со свистом летали камни, сопровождаемые руганью:

— Бунтовать, чтоб вам, бога позабыли, дьяволы!

Еще мгновенье—удар по голове и торжествующая свора с гиканьем пронеслась по телу упавшего, прыгав на носку на грудь, на голову, ухая каблучками тяжелых сапог, швыря под ноги труп убитого, как набитый костью мешок.

Андрейка в ужасе закрыл глаза, продолжая стоять, сцепив зубы, тяжело дыша.

Скрюченное, изуродованное тело, в лохмотьях форменного пальто, валялось в грязи.

Группа бородачей, пьяная от вина и убийства, гаркнули-было на мотив плясовой: «слава, слава», но тут же оборвались и вновь принялись гоготать и улюлюкать.

Теперь все бежали по краю берега.

Бросившийся в воду студент пыл по середине реки, делая широкие взмахи. Падавшие сверху камни заставляли его то и дело нырять под воду; в отчаянии он ллал к устоям моста.

— Луи, братцы, жарь залпом!— кричали с берегов.

— Стой, не уплывешь! Революцию надо, царя не надо, бунтовать захотели! Зови свою революцию!

— Катая его, молодцы!

Студент, хватаясь за пролеты моста, пытался удержаться. Пальцы, обесиленные, скользили и обрывались, оставляя следы крови.

Камни продолжали сыпаться вниз; каждый торопился и хотел попасть первым; дрожали руки, глаза горели, как у азартных игроков.

Ленивой походкой равнодушного ко всему человека приблизился к мосту откуда-то появившейся полицейский...

Андрейка потерял счет времени, в голове кружилось и гудело; всплески воды и крики постепенно замирали иглохли.

По мосту и на берегу все еще толкались любопытные.

Подшел, навалился всей тяжестью на решетку и посмотрел вниз.

На поверхности плавали свежие пятна крови; они, темнея, кружились в водоворотях и медленно уходили к берегам.

Стихи Михаила Голодного

В о т п у с к

I

Часы я жадно берегу,

И скую верую,

Что скоро

Я буду вновь на березу,

Где тяжело улеся горд.

Пройдусь по ушце гарбаты,

Куда не заходил трамвай.

Где домок

Намер сорок-два

Еще кришит,

Домами сжатый.

Войду в скриничую катинку

Кривых ворот,

Знакомый клен

Отвесит молча мне поклон,

Который отзовется пыткой.

С тремя супульками кривью,

Кивнут мне окна-человички,

А в них любимое лицо,

Незабываемой сестрички.

Стройкой я говорю, вени,

Но как воспеть стихами шею

С повязкой жупкою на шее?

Она млегу забудет сыпать,

Пристанет вдруг и ну меня

И обнимать,

И целовать,

И прижиматься, холодея.

Совеной мукой брызнет мать,

И, переменившись над кроватью,

Я долго не смогу различь

Ее костлявые объять.

Оставшись с ней наедине,
Замкнув в меланчи тяжелом,
Она же спросит о войне
И дрожью оборвется голос.

Я брошу дождю,
Разве мне
Рассказывать ей о войне?

II

Под вечер я уйду к своим
Спеть песенку из новой книжки
И сонни со значками КИМ
Начнут качать хмельного Минку.

Случайно забегу домой,
Повиснеп муниге молчанье,
И будут снова ждать с тоской
Со мной минутисе свиданья
Старуха-мать с больной сестрицей.

К ольтому,
К старому приемынгу,
Калитка у кривых ворот
Скрипуче жалобно вздохнет
О проливших днях моей любви к ней.

Часы я жадно берегу,
И скую верую,
Что скоро
Я буду вновь на березу,
Где тяжело улеся горд.

Михаил ГОЛОДНЫЙ

Весенняя карманьола

В день, от солнца ошалев,
Данью каждого луча
Заключает наше тело,
Кровью жарко стуча.

Становиш, ноябрю, рядом,
Юности слезом оживи,
Обожжем друа друа влядом,
Как бывает в час любви.

Видишь,
День бесстыдно-золый,
Как и мы, разут—радот,
Что-ж,

Стануем карманьолау
Дочь звезда и поэт!

Пусть, увидев нас прохожий,
Остановиш на мие,
Молодым наш мир дороже,
Молодым динисе, старик.

Молодые в день веселый
Отрхнут унынья слод—
Карманьолау,
Карманьолау,
Дочь звезда и поэт!

КАК ГИБНУТ НАШИ БРАТЯ

СЛОМАННАЯ ЖИЗНЬ *

НА ЧТО жалуетесь? Только короче. Торопливо, словно обрешив палочуган, я сказал:

— У меня, доктор, сводит правую руку и весь бока... правая рука стала тоньше левой... Потом страшная боль в суставах, ломит голову. Вообще не чувствую себя смертником. Мис кажется иногда...

Врач надув нос, сухо обронил:

— Скиньте рубуку.

Неловким и быстрым движением, боясь, чтобы врач не пролезил обычного: «Вы достаточно здоровы...» — сорвала рубашку... — попустилась, смя расползлась в рывке, как гнилой войлок. Врач опустил руку, осмотрел бока, поинтересно и так же сухо сказал:

— Ложитесь.

Он слушал сердце, сжимал руками суставы, задавал короткие вопросы, прорезал личиком кожу, потом так, как-будто говоря в пространство или с самим собою, спросил:

— А чего, собственно, вы хотели бы?

Я не ждал такого вопроса—поинтересно молчала, потом, сознавая свою обреченность, до отчаяния аволавново чужим, прерывающимся голосом сказала:

— Я думаю, вы переведете меня в больницу... или вообще...

Неловкост или заордания в ответе врача не слышалась,—голос его был сух и безучастен, как шпери часовой под окнами карьера.

Надо бы поехать на юг... В Ривьеру, например... Два года железной дыжки... Курортное и солнечное лечение... Да... э... В Ривьеру. Впрочем, это гарантирует выдворение только отчасти... А ваша лечебница не поможет... В ней вы—безнадёжны в той же степени, как и в камере.

Потом добавил:

— Одейте вашу рубуку.

И подошёл к двери.

— Следующего...

II

ЧТО бы сделала в этом положении не комсомолец, как я, гитлер рабочий класса? Гитлат, скомованный на топы и кандалы, обреченный на медленное гниение в сырдалой одиночной тюрьме, на смерть, которая придет через месяц, через два... ну, через год... но придет несомненно и неотвратимо, как несомненная и неотвратимая близость седования ночи.

Милая сестренка. Знает ли она, может ли поверить, что ее грощи превращая вот в это! Старый тюремщик! Передавая яд, он почти нежно сказал:

— Не ты первый, браток. Помогалась бы сперва сподка. Не могу легче с молчаливой. Сказки, Гоббину. Не могу страдать сверх сил моих. Прини лубу рубу твоего... И не яна, браток, ничего о смерти и—как яд этот достал. Не то—сломит меня, а дома пятеро...

И торопливо, широким крестом благословляя меня.

И так, я не первый. Не мне первому облегчат страданий тюремщик, имя которого да будет безвестным, невыносимые страдания.

III

МИЛАЯ СЕСТРЕНКА. Может быть, он, тот же страданий тюремщик, доставит тебе и друзьям эти записки и мне хотелось бы, чтобы вы знали, как это началось.

В Карнатах рвались, выхрились сужеными тучами, застали долины сугробами горные ветры. Шел декабрь.

В камере не топтали. Озно было поузработито. Я лежал в халате валеядном полу. Тело горело. Помню, леворывающаяся, я отгарал призрачавши к полу бока хватая. В сердце и под первыми горла белый ровный озног.

*) Из записок польского комсомольца, пытавшегося покончить жизнь самоубийством.

В полночь, может быть—под утро, проснулся. Все тело, каждая частичка его ждала нестерпимого влани.

Через снежные дымки в окоя карьера падал лунный свет.

Я приwallу к полу, стал лизать обледенелую губу.

В деревню шель за мною следил часовой, молодой солдат,—должно быть, украинский крестьянин.

О том, что он следил за мной, я догадался по его вопросу, в котором прозвучало почти братское сострадание:

РУМЫНСКИЙ КАРЦЕР: в нем заключенным не можит ни сестры, ни семьи.

— Помрившись, должно, пара?

— Води... слабо попросил я.

Парень молчал,—что-то соображал, потем сказал:

— Нету, пара, води... Ночь теперь... Снегу, может... Облегчат он, снег то.

Дай, дай мизанги!

Через минуту он бросил дай снежных кома. Озног, рыхлый и крупный, расползлся на части у моего лица. Я приwallу к холодовой, чудесной, несказанно-желанной роспы.

IV

КАК видите, смерть не одолела тогда моего железного организма. (Увы, он был железным).

Страданий карнер и жуткие ночи не принесли смерти. Они лишь непоправимо исколесили организм.

Итак, смерть не пришла. Сегодня я вызову ее.

— ДНИ, КОТОРЫХ НЕ ЗАБЫТЬ

СТАРШИЙ мой брат Витторио с фронта не верулся.

Поздним вечером,—было это в девятинадцатом году—в дверь нашей уютной комнаты постучался Джузеппе Бусо, товарищ брата по полку, подолравшись с матерью, крепко бокала мою руку, потом, завязав на мать, постучал поднею к окну и, словно не находя нужных слов, сказал:

— Погода стоит такая, что надо бы ехать в море... Хочу завтра к Эрэлине поехать... Теперь... Этого договаривать Джузеппе не успел: тихо, но с такой трепотой, с таким ясным предугадыванием страшных вестей о сыне, что холодная дрожь перебрала по моему телу, и в комок сжалось сердце, мать спросила:

— А... э... Вит... Витторио?

Джузеппе обернулся, минуту молчал, потом с той же невнятной, какой мучалась и голова брата, когда перел уходом на войну он прошалась с матерью, ответил:

— Витторио просил передать, что... что я умираю с мыслью о своей матери и что...

Мать тихо вскрикнула, лицо ее исколесало непередаваемым ужасом; сперва она плакала беззвучно, потом комьят валилось слезами; рыданиями рыдания нарастали, переходили в войлы, и было в тех войлах столько безмысленного отчаяния, столько бессонной и безграничной тоски, что меня неужеримо потонуло из комнаты, и когда исхоженные руки матери постигались к «расплативо», а Джузеппе, вальдующий меня, пошел, прихрамывая, к двери, я камнем бросился за ним и, как ребенок схватился за его руку.

Внизу, у поезда, Джузеппе остановился, наби трубку, закурил я, и стиснув мою руку, сказал:

— Подем, Честе...

Мне было тогда семидесять лет. И был тот вечер перемынского ветром 1919 года.

Мы молча шли по плацдарм Расорджинето.

**

ЕСТЬ в мире такие слова, что впитываясь сознанием, растут из человеческого сердца так же легко, как весенний и очевидно, как весенний черозем несет в себе будущую зелень полей и пастибы; то слова обожания, чистой, волнующей-прекрасной и призывно боевой классовой правды.

Я сознал их, ради и навсегда впитал в сердце и воле, поднимал ми жизнь свою до последнего своего вздох в тот перемынский вечер девятнадцатого года, в те часы, когда слушал, вместе с Джузеппе, речи протеста и призыва со сцены городского театра.

И правда я в тот вечер, почему в тяжелых страданий умер члотовый мой отец, лучший из мастеров железнодорожного дела, почему убитая горем мать собирала по соседям гроши на отцовский гроб и белый колектор; почему умер на чужбине болгарских полей мой брат Энтонио и почему страдания протеста и восстания в алжуртских синих жалами—руки к немому, бессонному и неужемому расплато...

Со сцены театра читалось воззвание коммунистической партии; в нем были, примерно, такие слова:

«Пространья, крестьяне, рабы колоний! По чье воле, ради чьих интересов пролита кровь наших отцов, сыновей и братьев? Слушайте! В капитале версальского двора собраны четыре ч. лозы. Они пригласили сюда буржуазия Англии, Франции, Италии и Америки... Они делат добычу, крадут карту земного шара, торгуют народам, как шыгане торговцы лошадами!»

Дальше я не слушал, не мог слушать, ибо презо мной открылся мир новый, где было все так же ясно и просто, как и нестерпимо густоно, где завлачи каждого честного человека представлялся мне совершенно очевидными и несложными. Я не мог дальше слушать, не могли слушать и все остальные, все три тысячи участников митинга, ибо дальше производило ситуацию:

Сорвавшись с места, я кинулся к барьеру лжи и крикнул:

Подпольная листовка, выпущенная в Бессарабии.

— Суанте их все...

Ураганом рукопашника в шкворень отогнал мне за.

Это было мое революционное крещение.

ШЛА весна двадцать третьего года. На Мезуатральной Италии заехали уже кандалы шашки. Батая, назвавшая кабинетом министра, ию два дня в конце в шкворень, твора рабочие кварталы и убогие деревушки страны. В геркулесовых согнаны казнили по приговору судов и распространялись они немцами бандитами в-за угол.

Убийский, польский комсомолец, осужденный на 5 лет каторги.

В ту весну Маттеоти, замученный позавое фашистами, писал книгу о белом терроре в Италии; однажды только немцами из заложия 150 страниц своей книги, но оказалось, что лишь часть жюри фашизма и что все немцы распространяли и истеричными революционерам не знает никто.

Деревни страдали от непосильных поборов и неисчислимых насилий. Из провинции шла весть, что фашистские жандармы до смерти жабуют крестьян за несвоевременный взнос налога. Кулак-фашист скучал за бесхозное крестьянское инвентарь и землю. На полях, где неслись еще козлы мощной трактор, крестьяне работали перобытыми орудиями.

Наместник Христа на земле—пана римской—правда была бесогонна на фашистских, и на мандаты (так называемые индугенции) на вхождение в «верство несвое» и морочил массы разными документами вроде того, что рабочих в коммунистическом мотомлет являл, прощая через которые, капиталисты получали прощение всех грехов и, разумеется, право эксплуатировать трудящихся.

Шла такая борьба двадцать третьего года.

ЛУИДЖИ Чампа нес по улавим Рина красное знамя; за ним дигались снебулаз, молодая, горящая газарин. Мы шли к северу Рима.

Мы приоткрыли первое мая двадцать третьего года. Полевой гуртупе был снегоступарий, радостный и любящий, знаменосец наши первые слова междуународного гамиа: «Всякая проклятия замечившей!»

И, как один, подхватывая слова, мы поючие-призывные слова и двигались радостной вернейшей вперед, к северу Рима...

...Но не долгие десятилетия фашистские кулаз перережали путь нами, и первым пал знаменосец, снегоступарий, радостный и любящий вождь нами—Луиджи...

Меня и еще семерых рабочих судили судом скорым и жестоким. Я приговорен за участие в партийной демонстрации к 5-ти годам тюремного заключения...

ИСПОЛНИЛ ВОЛЮ КЛАССА.

ТРИ раза в неделю собирались в королевском дворец министры. Но глубокой ночью говорили они о разладе мира и о могуществе Англии, о покупке пушек и о милости Франции, о мужицких делах, рабочих и мещанских, о Советской России.

И три раза в неделю старый—и разложившим мудреце—чиновник поточнось кланялся господам министрам и, шестидесятисекундным конвенциям, вполголоса, словно быше, чтобы его не послушали, доказывая высшему правительственному совету, что в римском королевстве неспокойно, что крепко думать мужику о земле помещицкой и монастырской и что ходят по рукам рабочие буржуаки, без не черными—о-гнем и вынаслаными о-гнем о рабочих страданиях, о голоде, о капиталистическом грабеже, и о том, что советская,

рабочей и крестьянской землей должна быть окровавлена и приданница Румунии. Вполголоса, шестидесятисекундными, доказывая господам министрам старый—и разложившим мудреце чиновник, и три раза в неделю глубокой ночью дождался на оба министра, и засыпая огоньками горела в тот час в глаза неслезанная злоба.

И в сей раз, когда чиновник, окончив доклад и низко поклонившись министрам, свалился в свое кресло, с крайнего стога раздалась глухой и чуть слышимый голоз:

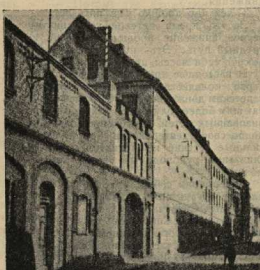
— И опять говорю... и в сто первый раз... и сто первый раз, господа, повторю: не надо шалить. Преступно повторять-во! Если, забудьтесь деревни—никаких церемоний. Отгис се, отгис, до гал... до... до...

И голос в бесшальной злобе сырвался.

Это был голос министра Аржетуноу.

В 1920 году пылали румынские села. В 20 году темный забойный, загнанный румынский крестьянин, дождался спать, молвил о том, чтобы мороз прошлой спокойной, чтобы не пришла в его—ограничивая уже—лату жандармы и чтобы завтра сн и я его дети астант живыми.

В 20 году говорили румынские рабочие:

Торьяла, в которой был захвачен К. Либкевич.

— Под явным жуком; если не пробиваю оба уха, пробивать завтра.

И от деревни к деревне, от фабрики к фабрике кровавого королевства тако несло тысячами проклятия проклятые ими:

«Ар-же-е-е-е!»

На совети этого неспящего, по звериную кровожадного, палача кровь, многая трудились.

ЗАВЛИГО его Макс... Гольдштейн... Макс Гольдштейн.

Он поведет в румынскую лесостепь, первая и любящий сын Комсомола, как первая его неслезанная горюшка.

Макс Гольдштейн выговаривал в посылке бомбы, доходя до Макс не стало правой руки.

Было это в глубоком подполье, и никто не узнал, что ружья Макс пошла плевая бомбой, которую готовил он для министра Аржетуноу.

Барман, польский комсомолец, осужденный по тем же причинам.

ПОШЛО 3 месяца. Пала Аржетуноу послал советом министрам совета слеза земли повстанцев бесстрашие деревни.

Несла бешено мнит министры на восток, а там, на пути, под железным мостом—самоурагий т. Макс левой рукой подхватывал от темной осенней ночью под мост движит, сползавою шпродит порохуку убитый; держит жуту в руке—жест повода.

Поезд идет в версте. Поезд грохочет по мосту. И быстро бежит в мочной темноте по пороховой нитке маленький синий огонек. Вот доходит он до моста, как упала нитка в траву, грубо бороться маленькую синему огню с осенней сыростью травы и не успевает вырваться—замыная грома, и не взорвется динамит, и не будет камен палая народом... Но не отсырела еще сырое травы, побоясь, бежит дальше... Но уже последний грохот звучит по мосту; последний вагон карательного эшелона уклад себя в тьму.

И взрываются воздух эшака, и со стоном, разрываясь камен, выметнулись в воздух железо, цемент и последний вагон. Но огонек залюбувал, в последние вагоны не было министра—он упал в ужасе на пол вагона, шестого от паровоза третьям.

И ПРИБРАЛСЯ через два месяца Макс в румынских селах. Купила шен на верную смерть. Но смерть палачей была желанней собственной жизни.

В сенате в тот день делал кровавый доклад арестован Аржетуноу. И когда промолвил он слова: «дуть монеты бутончиков», дрогнули стены дворца, упали с кресел сенаторы, сверху слышались шаги; промывшая свое слово алая машина.

А с галереи, притянувшись ко колонне, смотрел вниз Макс. В галерею не ступил огнивец; все сидит три человека, но Аржетуноу—Аржетуноу остался жив.

НА суде присутствовал Аржетуноу. Судьи спросили юношу: — Сознательн ли вы, что вы устроили взрыв в здании сената?

Ист.—ответил тот.

И, указав на Аржетуноу, сказал: — Вот, кто устроил взрыв в сенате. Зверская расправа его с рабочим классом потребовала мщения и исполнения воли рабочего класса.

ЮНОШУ не рассмотрели: его приговорили к вечной каторге. —Потому?

Не потому, что о кровавый унасел в боковой Румунии упала весь мир, и потому, что шен тогда Макс двадцатый год, в потому, что смертная казнь была бы, по мнению судьи, слишком мягким наказанием для комсомольца.

Его вдалеко кивать мелодией, расчистившая из десятилетия казнию. И его казнят в тюрьме Дофтама.

ДЕТИ РАБОЧЕГО ЗАПАДА

Статья М. ЛИС

„Мы будем обладать всем миром! (Рис. из американского пионерского журнала).“

КАПИТАЛИЗМ, пустивший свои корни во все отрасли современного хозяйства, наряду с невыносимой эксплуатацией взрослого рабочего, не в меньшей мере стал использовать труд ребенка.

В Германии на одном из предприятий Тюрингии из 3.400 рабочих оказалось 600 детей в возрасте 9—12 лет.

В Англии около полумиллиона подростков работает в сквернейших условиях на фабриках и заводах Манчестера, Глазго и других промышленных центров.

В Америке 3 миллиона детей работает по 10 часов в день в шахтах, фруктовых полях Калифорнии, на хлопковых плантациях, на свекловичных полях Мичигана и т. д.

Наряду с этим, капиталистический строй создал свои школы и организации воспитания детей рабочих в духе послушания буржуазному строю, чтобы сделать их верными рабами своих эксплуататоров.

Героическая революционная борьба рабочего класса и молодежи на Западе не могла оставить в стороне пролетарских детей. Мы знаем это на опыте ряда

революций и восстаний пролетариата, где дети наряду со своими родителями героически сражались на баррикадах. Детский ум способен зачастую быстро разбираться и чутко понимать окружающую его обстановку. И это наложило свой отпечаток на события последних лет, в которых дети играли, играют и еще будут играть весьма крупную роль.

Необходимость влиять и направлять детскую активность по определенному руслу создавалась еще пять лет тому назад. Наши братские организации на Западе поняли, какое громадное значение имеет воспитание детей с малого возраста в духе пролетарской борьбы. Еще в 1920 году комсомольскими организациями Запада и, главным образом, Германии была начата большая работа по созданию детского коммунистического движения.

С тех пор прошло уже пять лет.

За это время детское коммунистическое движение прошло сложный и трудный путь. Это—путь организации вокруг себя массы пролетарских детей.

В настоящее время мы имеем в ряде стран количественно, по сравнению с детским движением в СССР, насчитывающим более полутора миллионов организованных детей, не особенно большие, но по своей деятельности чрезвычайно сильные детские коммунистические организации, руководимые своими комсомолами.

В Германии сейчас имеется крупная детская организация, называемая „Союз Юных Спартаков“.

„Союз Юных Спартаков“, насчитывает свыше 10.000 организованных пролетарских детей. Сейчас Союз проводит большую кампанию по организации своих ячеек при школах. Эта работа проводится под лозунгами борьбы с преподаванием учителями закона божьего, применением к детям исправительных мер в виде розог и т. д.

За последнее время эта работа приняла особенно широкий размах. Издаваемый юными спартаками журнал „Юный Спартак“ достиг сейчас уже 15.000 экземпляров тиража и целиком распространяется самими детьми по школам, где имеет колоссальный успех среди своих читателей.

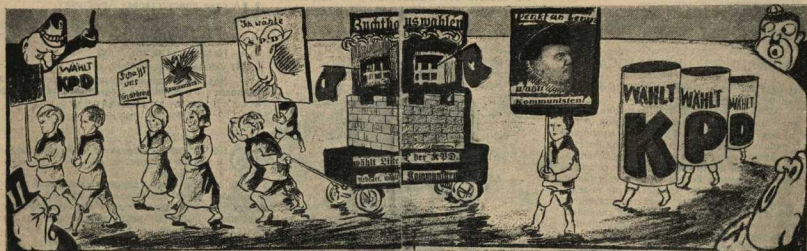
Агитационная деятельность юных спартакос оказалась не особенно по душе немецким властям. Они издали специальный закон, запрещающий существование деткоманды в Тюрингии и Баварии. В этом запрещении, между прочим, говорится следующее: „Этой беззастенчивой деятельностью маленьких коммунистов должен быть положен конец. Необходимо бороться с нею всеми находящимися в нашем распоряжении средствами“. Так писали тогдашние правители Германии, предатели рабочего класса—социал-демократы. Но, несмотря на все предпринимаемые этими господами „средства“, юные спартаки Германии продолжают свою борьбу, и никакие преследования не могут этому помешать.

Лео Гранов, 14-летний революционер, судившийся в Нью-Йорке за «разрушительную» пропаганду в школе.

Германские деткомгруппы продолжают принимать активнейшее участие во всех политических кампаниях, проводимых германской компартией и комсомолом.

На выборах президента, на демонстрации коммунистической партии, на празд-

Детская демонстрация (Рис. из немецкого детского коммунистического журнала «Юный Спартак»).

никах красных фронтовиков, в Международном Юношеский день—ведет пеструю красные галстуки юных спартак, идущих впереди колонии взрослых демонстрантов со своими знаменами. На каждом митинге часто раздается звонкий голос 12-летнего юнца, прозвонившего пламенную речь.

Но не только в этой внешней борьбе принимают участие юные спартаки.

Один германский товарищ рассказывает нам, как в период реакции в 1923 г. его спасли от ареста немецкой полицией два юных пионера. Эти ребята так умно оставили побег немецкого коммуниста, работавшего в подполье, что сама полиция удивлялась такой находчивости совсем еще молодых ребятшек, которые даже догадывались сжечь все документы, компрометирующие и могущие дать возможность напасть на след сбегавшего товарища.

Сколько таких маленьких героев беззаветно оказали свою помощь пролетарской революции и ее отдельным борцам!

Немецкие юные спартаки растут и крепнут, привлекая на свою сторону новые массы пролетарских детей.

Во Франции детское коммунистическое движение несколько слабее. Оно насчитывает только около тысячи организованных детей, но и то за последнее время оно неустойчиво растет. При участии французского комсомола здесь начинают организовываться школьные ячейки, постепенно налаживающие свою работу.

На последней конференции деткомгрупп французские ребята с особым воодушевлением послали приветственную телеграмму русским пионерам.

Война в Марокко и проводимая в связи с ней антиимпериалистская борьба французским комсомолом привлекла к себе и деткомгруппы. Французские юные пионеры, принимая участие в агитации против войны в Марокко, деятельно распространяли коммунистические листовки, газеты и воззвания.

В Англии деткомдвижение еще очень молодо. Но и здесь оно пошло по правильному и прямому пути.

Организация юных товарищей (так здесь называются деткомгруппы) насчитывает уже более тысячи организованных пролетарских детей, руководимых английским комсомолом. Они издали свой детский журнал „Юнг кемрал“ („Юный Товарищ“), который распространяется самими детьми по школам.

Чтобы помешать развитию детского коммунистического движения в Англии, правительство запретило им организовываться и ходить по улицам. В связи с этим на недавно состоявшемся

в 1925 г. съезде английской компартии, во время его открытия на сцене с барабанным боем и знаменем появился отряд английских ребятшек. В своей речи один из демонстрантов обратился к съезду с просьбой принять меры к разрешению английским деткомгруппам выстроиться по улицам.

Это—14-летний юнша Лео Гранов и 13-летний Морис Спектор.

В начале 1924 года в Нью-Йорке состоялся процесс над членом американской деткомгруппы—Лео Грановым.

Вся американская печать трепалась об этом молодом революционере, прозванном „маленьким Троцким“. На суде Лео Гранов резко критиковал существующие в „свободной“ Америке порядки. Не менее блестящую речь проносил во время громадного собрания, посвященного памяти Ленина, юный Морис Спектор.

— Нас учат быть предателями рабочего класса—заявил маленький оратор, и его слова были открыты аплодисментами тысячной рабочей аудитории.

Так постепенно растет и ширится детское коммунистическое движение.

В Италии, Финляндии, Скандинавии и других странах оно объединяет сотни пролетарских детей. Еще в целом ряде стран оно находится в зачаточном состоянии, благодаря тем преследованиям, которым подвергаются детские коммунистические группы. Но везде они принимают деятельное участие, соответственно своему детскому темпераменту, в классовой борьбе пролетариата.

Сейчас они улучшают внутреннее содержание своей воспитательной и политической работы. Они мобилизуют все свои силы вокруг борьбы и работы в буржуазной школе Запада. Это—основная задача, на которой будет в дальнейшем развиваться деткомдвижение в капиталистических условиях.

Своей повседневной работой и борьбой деткомдвижение готовит нам славную смену для революционной борьбы рабочего класса.

Уже и сейчас оно записало несколько славных страниц в историю революционной борьбы пролетариата.

Мы имеем один замечательный факт, когда во время восстания пролетариата в Болгарии в 1923 году десятки юных борцов принимали активнейшее участие в борьбе на баррикадах наряду с болгарскими повстанцами. Эти ребяташки, отличавшиеся особенно большой ловкостью, были лучшими разведчиками и исполнителями труднейших поручений.

Сейчас наступает Международная Детская Неделя.

На Западе она ставит своей задачей усиление борьбы и работы детских коммунистических групп в школе.

Сейчас детское коммунистическое движение насчитывает на Западе всего около 30.000 пролетарских детей, но расширение его работы и борьбы постепенно увеличит и его количественный состав новыми тысячами трудящихся детей.

Пионеры Чехо-Словакии в лагере.

— „Потому что буржуазным детям и их скаутским организациям это разрешено“—закончил свою речь юный оратор.

В Америке детское коммунистическое движение существует с 1923 года. Оно объединяет под руководством американского комсомола около 4.000 пролетарских детей. Деткомгруппами Америки за последнее время развернута большая работа против буржуазного воспитания в школе.

Местные власти всячески хотели придумать работу детского коммунистического движения. В городе Минеаполисе детское движение приняло настолько широкие размеры, что власти пытались запретить распространение детской коммунистической газеты „Молодой Товарищ“, достигшей уже сейчас тиража в 80.000 экземпляров. С каким подвѣ-

Германские пионеры на демонстрации.

мом и активностью американские ребята отстояли свою единственную коммунистическую газету! Наряду с этим детские группы в Америке принимают активнейшее участие во всех проводимых компартией и комсомолом кампаниях, митингах и собраниях.

Замечательно то, что в своей борьбе американские деткомгруппы выявляют отдельные типы молодых борцов, которых можно назвать поистине настоящими революционерами. К числу таких следует отнести две интересных личности.

НАШИ БУДНИ

(ФАБЗАВЯЧЕЙКА В ГЕРМАНИИ)

Статья А. Б-ина

ПРО ПРЕДПРИЯТИЯ Электрической Компании Сименс-Шукерта даже в песенке поется:

... Кто горба не гнул на Сименса заводе,
Тот тяжелой жизни не зная,
Грывает всех рабочих до седла
А потом в награду клочок "Господина".

— Ганс, — шепчет один пожилой рабочий другому с горечью, — комсомольцы правы. Мы — господа! А наши дети голодают...

Отрывной взгляд ослепляет миллион звуков чужого человека. Тут добрая сотня цехов, отделенных друг от друга рабскими правилами заводской дисциплины. К ним относится запрет для рабочих переходить из своего отделения в другое. Вот мастер заметил чужого рабочего по номеру цеха на его одежде.

— Семья? Имя?

Назавтра штраф, в лучшем случае. А если рабочего заподозрят в коммунизме, то даже и расчет.

Десяток комсомольцев разбросан по разным цехам. Но это славные ребята.

Заводские порядки их не смущают, они не опускают рук.

В октябре месяце в ячейке были другие. Те выброшены на улицу за выпуск ячейковой газеты. Но в ячейку вошли новые члены, и работа восстановлена. Три сотни молодых рабочих из восьмилетней массы работающих на предприятии: десять комсомольцев из этих трех сотен. Это, кажется, мало. Но это достаточно для того, чтобы комсомольцев боялись, как огня, и при всяком удобном случае расправлялись с ними без милосердия.

Администрация находит, что вместо комсомола молодежь должна удовлетворяться заводским спортивным союзом. "Занимайтесь только спортом", — убеждает добродетельные капиталисты молодых рабочих. Бросьте политику*.

Однако, и в самом спортивном союзе уже появились первые ростки этой ненавистой хозяевам политики. Ведь, в союз входит вся рабочая молодежь, попали туда и комсомольцы.

Слово за слово, завязалась между молодыми "спортомснани" беседа.

— А почему с нас выскивают за спортивные занятия одну марку в неделю? — вопрошает один парень: — неужто завод так беден?

— Да, — подлакивает другой, — ведь мы же по собственной воле здесь.

Но рялом уже вырастает фигура "промышленного полицейского". Это шпаны, которые, находясь на предприятии, должны строго следить за ма-

лейшим проявлением волнономыслия со стороны рабочих.

Беседа обрывается.

Настроение в спортивном союзе начинает обостряться. Агитация комсомольцев служила хорошим противовесом против статей спортивной газеты и поучений руководителя. Однако, агитацию заметили и несколько комсомольцев исключили из спортивного союза, отдав под надзор шпикам.

союзный делегат не соглашается, и предложение проваливается. Ячейка вынуждена сама созывать собрание.

Шпаны следят за каждым движением подозреваемых в коммунизме рабочих. Нужно миновать сотни лопухов, чтобы не попасться. И провалы бывают нередко.

Ячейка собирается вне предприятия. Кроме десятка комсомольцев, работающих на предприятии, тут еще человек пятнадцать прикрепленных. Это — комсомольцы, работающие на мелких предприятиях и безработные.

— Вы знаете, — говорит секретарь ячейки, — у нас понизили плату. Нам обрезают еще наш нищенский заработок.

— Да, да, — отключаются другие.

— Нельзя молчать об этом.

Решение принимается быстро. Пускается в ход гектограф, и скоро по всем цехам, да и в мастерских будет красоваться листовка, бичующая эксплуататоров-хозяев.

Вот товарищ, на зовем его Вилли. С листовкой за лазухой входит в уборную. Он оглянулся — кругом никого нет. Несколько секунд — и листовка уже приклеена.

Но в другом месте его ждет неудача. Откуда ни возьмись, появляется промышленный полицейский. Преступник пойман. Разговор короткий — сегодня же его уволят. Но зато рабочий, читая комсомольскую листовку, немало пошел проклятий по адресу своих хозяев.

На гектографе же печатается и ячейковая газета. Утром и в конце работы безработные комсомольцы суют проходящим густой толпой рабочим свеженькие номера газеты. Эта работа возложена на безработных, ибо своим комсомолом грозит увольнение, да к тому же на заводе нередки обскины.

Ячейковые газеты запрещены, и за распространение их — тюрьма. Недавно комсомолец, у которого нашли рисунок заголовка ячейковой газеты, приговорили к месяцу тюрьмы.

...Так изо дня в день идет напряженная, хотя внешне и не-красочная борьба, на каждом предприятии, где имеется горсточка комсомольцев. Иногда даже родители отрываются от комсомольцев, вечно рискующих собой. Но это только самые трусливые способны так поступить. Борьба комсомольцев вызывает острое сознание у взрослых рабочих, ибо они знают, что тут идет речь об их собственных коренных интересах, попираемых германским капитализмом.

Газеты и листовки немецких фабзавячек.

Заводская ячейка ежедневно находится под угрозой разгрома.

Вот, например, работа по созыву собраний молодежи.

Эти собрания созываются, главным образом тогда, когда не удается разрешить вопроса на общем собрании рабочих.

Например, в отделении А 3-го цеха рабочие в течение недели должны будут работать десять часов. Работающий в этом цеху товарищ должен вместе с секретарем партячейки и профсоюзным делегатом (а они нередко не-коммунисты) обсудить вопрос о борьбе против 10-часового рабочего дня. Комсомолец выставляет требование созвать общее цеховое собрание рабочих. Его отключают. Комсомолец требует собрания молодежи по тому же вопросу. Проф-

ОДИННАДЦАТЫЙ

Статья М. ЭЛЬБИНА

ЧЕРНЫЕ дни 1915 года.

Предательство социал-демократий распускалось махровым цветом.

— Войю ради отечества, — приказывали рабочему всамделишные короли и биржевые тузы.

— Войю! — подывали социал-прохвосты, пользуясь случаем сделать министерскую карьеру.

К. Либкнехта, осмелившегося полным голосом протестовать против бессмысленной братоубийственной войны, осыпали градом обвинений, самых грязных и озлобленных.

В это время, в апреле 1915 года, в Берне состоялась конференция социалистической молодежи. Вопреки общему пленению патристическими иллюзиями, обманиваемым идеям защиты отечества — Бернская конференция провозгласила своей задачей борьбу против войны.

А 3 октября в первый раз в разных странах вышли юношеские колонны протестовать против войны.

Под лозунгом «дойди войну» разделился Международный Юношеский День.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ Юношеский День

не сразу приобрел полную революционную ясность лозунгов. В первом воззвании мы имели только следующий призыв:

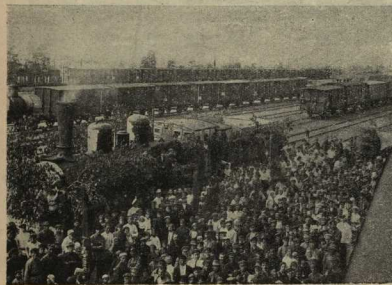
«Молодые социалисты должны во всех странах стать авангардом революционных борцов за мир».

Ко второму Юношескому Дню (3 сентября 1916 года) воззвание Международного Социалистического Бюро Молодежи требует уже также и борьбы с пособниками милитаризма, с социал-предателями.

И только в 1917 году воззвание твердо признает:

«Только пролетарская революция может принести мир народам».

Так, от половинчатого и бессильного лозунга борьбы за мир МЮД пришел под знамена, на которых был начертан ленинский завет: «войну империалистическую превратим в войну гражданскую».

9-й МЮД в ВЕРХНЕУДИНСКЕ: передача комсомольцами пароизда.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ Юношеский День

не сразу захватил Россию. Здесь более, чем где-либо, была подавлена революционная мысль, здесь, кроме того, не было оформленных, объединенных между собой организаций молодежи.

Только в 1917 году, да и то лишь в Москве русская рабочая молодежь присоединилась к демонстрациям западных товарищей. Это было уже тогда, когда вслед за февральской революцией появились первые ростки юношеских организаций в России.

В Москве Союз Молодежи, III Интернационал был проинициативирован уже большевистским духом. Вот рассказ о первом МЮД'е в России одной из его деятельных участниц, т. Аси:

«15 октября — день демонстрации. Бодрая, ласкающее солнце. С раннего утра стекаются к сборным пунктам девушки и юноши.

— Ведь, вы предупреждали, что могут быть выстрелы, откуда же такая отвага? Ведь, это все не члены Союза, — все серая, несознательная масса. И сколько девушек работниц! Неужели и они у вас такие храбрые?»

— «Нашей ли рати бояться призрачной силы царей!» — ответом на слова товарищей несутся мощные звуки молодых голосов.

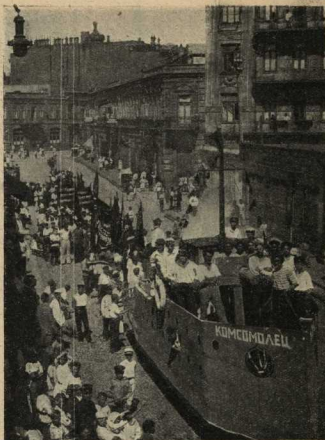
Выстраиваемся стройными колоннами. Двигаемся Сотни юношей и девушек со сверкающими радостью лицами, десятки алых знамен с залорно юными лозунгами: «Трепещите, тираны, юный пролетариат восстал против войны. «Война — войне», «Миру дряхлым ли спорить с нами юными? Вперед!»

А по тротуарам, цепью вокруг юных демонстрантов мрачные фигуры взрослых рабочих. Их послали комитеты партии охранять со скрытым оружием рабочую молодежь.

— Сложно идти, хвостики (так называли членов Союза взрослые партийные товарищи). Мы вас в беду не дадим. Вы — наше будущее.

— Мы и сами сумеем за себя постоять, — обижаятся хвостики.

... На Красной площади сливаются все районы. Мощные звуки «Интернационала» несутся над толпой. Вся Красная площадь запружена демонстрантами. Идем к Советской (тогда Советской) площади.

9-й МЮД в БАКУ: комсомольский карнавал.

На балкон Совета выходят перепуганные меньшевики и эсеры. Предлагают разойтись. Молодежь не слушает их, повернулась спиной к солдатам, радостно бросается навстречу выходящим из «Дрездена» представителям большевиков...

ТОЛЬКО

в 1920 году МЮД праздновал повсеместно, во всех уголках Советской Республики.

С той поры с каждым годом празднество принимает все более мощный характер. В одной Москве на улицы выходят сотни тысяч демонстрантов. МЮД включен в число общественных революционных праздников.

Это в стране, где у кормила власти находится пролетариат.

ЗА РУБЕЖОМ

Международный Юношеский День попрежнему нужно проводить под дулами полиции и солдат, под угрозой тюрьмы, избиений, каторги. Но и там с каждым годом под знаменами Комсомола выступают все большие массы молодежи.

В нынешнем году МЮД имеет особенно большие основания стать массовой демонстрацией всей рабочей молодежи. Мы имеем растущее единство в рядах рабочего класса.

Мы имели в демонстрациях по всему миру в годовщину мировой войны живое доказательство, насколько остро понимает рабочий класс опасность, грозящую миру.

Тем многочисленней, тем сплоченней, тем смелее будут юношеские колонны в наступающий МЮД, на знаменах которого будут гореть лозунги:

— Единство рабочей молодежи всего мира!

— Война войне и ее разжигателям!

МАРОККО: уличный певец.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ державы охватили Марокко тесным кольцом своих владений. Достаточно взглянуть на границы. С севера, вдоль побережья Средиземного моря, французское и испанское Марокко и уголок «международного свободного порта» — Танжера, с востока — французский Алжир, с юго-востока — часть Сахары под французским протекторатом, с юга — испанская колония — Золотой Берег.

Только на западе бьются о древний берег свободные волны Атлантики, но и здесь угроза: флот захватчиков, могущий в любой момент явиться для бомбардировки побережья.

Уже две двери ведут в Марокко столь замкнутый еще четверть века назад. И эти двери — порт Каабланка на Атлантическом побережье и пограничная с Алжиром Ужда, где проходит жел. дор. из Орана.

Несколько тысячелетий испытывает же Марокко периодические нашествия иноземцев. Начиная от финикийя, карфагенян и римлян за тысячелетия до нашего времени, которые прочно основали здесь свои цветущие колонии, продолжая вандалами и арабами, загнавшими коренное население — берберцев — далеко в горы с плодородных равнин, и кончая современными европейскими экспедициями, одно из дей-

МАРОККО

Очерк В. ЯКУБОВИЧА

ствий которых разыгрывается и сейчас в Риффских горах.

От берегов Атлантики вглубь материка идет обширная равнина, пересекаемая 3-мя грядками Атласских гор: Большой, Малый Атлас и самая северная цепь — горы Риффов. В ущельях этих последних сохранились до сих пор следы исчезнувшего пролива, соединявшего, в незапамятные времена, Атлантику и Средиземное море, когда Гибралтарский пролив еще не существовал.

Из Атласских гор текут реки в 3-х направлениях, обильно орошая страну. Одни текут в Атлантический океан, другие в Средиземное море, 3-ьи на восток и теряются, высшая в жгучих песках пустыни Сахары.

Равнина плодотворна и дает возможность вести культуру ячменя, пшеницы, бобов, сахарного тростника и риса. На нижних склонах гор раскинулись сады апельсина, фиговых деревьев, бананов; дальше в горы идет пробковое дерево, дубы, кедр. Еще выше в горах — богатые пастбища, дающие возможность разводить огромные стада рогатого скота, ослов, коз и овец.

Население Марокко смешанное, носящее следы всех периодических захватов: в городах живут потомки основного населения — берберы, затем арабы, евреи, негры — на юге, и много мелких племен — родов, сохранивших характерные черты древних римлян и карфагенян. Городов в стране мало; население по преимуществу земледельческое и скотоводческое. На 5^{1/2} миллионов населения гор едва лишь полмиллиона живет в городах.

Всего населения более 25.000.000 человек.

ДВА ЯРМА: «ШЕЙХИ» И «РУМИ»

НАРОД УГНЕТЕН и забит непосильными налогами, которые выбивают из него, с одной стороны, свои помешки или «шейхи» и иностранцы «руми».

Шейхи — это родовая аристократия, происходящая, якобы, от потомков пророка Магомета и, в силу этого, считающаяся вполне нормальным, чтобы «народ» кормил их.

Европейцы, в свою очередь, тащат, что могут, из населения, заставляя его работать за гроши, связывая его явно невыгодными договорами. Неисполнение договора — тюрьма и плеть. Туземные «кади» (судьи) охотно поддерживают европейца, от которого можно получить взятки.

Но самосознание народа пробуждается, и это доказало Риффское восстание, где народ воюет с иноземными

ВВЕРХУ: шоссейная дорога во французской части Марокко. ВНИЗУ: мечеть — ули эрраи в Марокко.

насилниками, решив избавиться хоть от одного яра. А, быть может, затем наступит очередь и второго.

„БЕРБЕРСКИЙ ЧУБ“ — ВЕРВКА В РАЙ.

ПОД НАТИСКОМ арабов—1200 лет назад берберы ушли в горы со своими стадами, палатками и заунывыми песнями под звуки туземной свирели.

Каждый бербер имеет на гладко бритой голове длинный „чуб“—прядь волос, за которую после смерти его втащут, по вереванию, в рай.

Женщины татуируют лицо звездочками и квадратами и не смеют надеяться, что после смерти их втащут в рай за косы. Хотя берберы—мусульмане, но их женщины лица не закрывают, покрывая только голову оригинальным головным убором, похожим на каски древних римских воинов.

Берберские селения подвижного типа: это шатры из домотканых одеял верблюжьей шерсти, обнесенные оградой из колючего кустарника. Когда стада обьедат пастбища, селение сворачивает шатры—на спине ослика, и идет дальше на новое место.

Стада берберов неисчислимы: это лавина белых и черных коз, овец, ослов, золотистых „аудак“, представляющих переходную ступень от козы к овце, и большеглазых грациозных газелей.

Верблюды—сравнительно недавние „колонисты“ Марокко. Они появились с ордами мавров и арабов в средние века. До того единственным вьючным животным был осел, оставшийся до сих пор излюбленным другом туземцев. Верблюдов по всей территории Марокко насчитывают до 100.000.

БЕЛЫЕ ГОРОДА С ЛАЗУРНЫМИ СТЕНАМИ

ГОРОДОВ в Марокко немного. Промышленности нет, торговля натурального типа, и для товарообмена достаточно еженедельные базары в центре, где сходятся дороги из нескольких деревень. Сюда в определенный день съезжаются крестьяне и продают всех окрестностей и покупают, что им надо. Возле таких базарных центров выросли деревушки, носящие название по дню своей торговли.

Главные города: старинный Марокко в глубине Мароккской равнины—в Атласских горах, в ущелье, видевшем немало боев, и столица Марокко—Фец. Фец получил свое название от древней привилегии—изготавливать фески—головной убор мусульман. Пурпурные фески, особо яркого алого цвета, изготавливались только в Феце, ибо в окрестностях города произрастает кустарник, ягоды которого дают эту краску; с развитием красильного дела фески начали выделываться повсюду, даже в иноземной Франции. А было время, когда каждая феска носила марку „Фец“. Города Марокко окружены белыми зубчатыми стенами и лазурными стенами внутри города, вокруг каждого дома.

Домики белые с плоскими белоснежными кровлями и среди них резко бросаются в глаза постройки европейских и ярко-красными крышами из черепицы.

В каждом туземном городе две части: официальная—мечети, медресе (школы), судьи, бани и жилая часть—лабиринты улочек и переулков со слепыми—без окон на улицу—фасадами домов.

В европейской части города: магазины, банки, церкви, отели, больницы и обязательно община миссионеров, стремящаяся „улавливать“ туземные души, располагая их своим учением о смиренности и кротости к покорному подчинению воле порабощителей.

Самые затейливые фонтаны украшают площади и дворы марокканских городов и селений.

Самое знаменитое во всем Марокко водопроводное сооружение в Феце. Оно

Марокканская девушка.

было усовершенствовано лет 75 тому назад одним инженером-французом, политическим эмигрантом.

ШКОЛЫ

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ школа—это медресе, где преподаются основы грамоты и корана, мусульманского вероучения. Затем более способные ученики идут к профессорам—шейхам в мечеть.

Здесь у каждой колонны отдельный „профессор“ устраивает свою аудиторию. И колонна носит имя каждого из них.

Мусульманская школа—узко религиозная: студент выучивается читать и писать, а затем посвящает годы на заучивание текстов корана и разборку их.

Все больше замечается стремление уйти в европейские университеты, откуда молодежь приносит широкие взгляды, неверие в букву корана, а иногда и социалистические идеи.

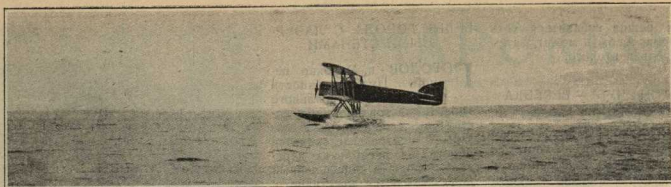
Арабы не дают никогда в своих картинах и декоративных украшениях никаких изображений людей или животных. Их искусство—расцветочная яркими красками геометрия: линии, углы, спирали, круги—все те „арабески“ затейливо прихотливые, которые украшают и восточные ковры, и изразцы мавританских дворцов, и эмалевую посуду, и тисненую кожу.

Художественно-профессиональные школы из века в век передают ученикам все те же принципы застывшей формы искусства. И арабески 20-го века подобны арабескам V или VIII века.

Вот таково Марокко—„хвост лавина“, как его зовут коренные жители.

Равнины строго города Фецы.

Новейший полпялковый гидро-аэроплан Лисре-Оливье Н—то отрывається от воды.

АВИАЦИЯ НА МОРЕ

(К постройке Комсомолом гидроотряда)

Очерк А. КАШИНЦЕВА

ИЗДАВНА человек мечтал о том, чтобы вольной птицей носиться в воздухе над землей.

Только около 22 лет тому назад его заветная мечта была осуществлена в Америке братьями Райт, построившими первый аппарат тяжелее воздуха—аэроплан.

Прошло всего восемь лет, и человек стал летать не только над сушей, но и над морями. В 1911 году был изобретен гидроаэроплан, то-есть самолет, могущий подниматься с водной поверхности и садиться на нее.

Таким образом было положено основание морской авиации, имеющей теперь огромное значение для обороны страны и для экономического ее развития.

Морская авиация особенно быстро стала развиваться во время империалистической войны. Немцами были построены большие подводные лодки, заходившие не только к берегам Англии и Франции, но проникавшие даже до побережья Африки. Немецкие подводные лодки причиняли неисчислимые потери союзникам, они топили их военные суда, гигантские почтово-пассажирские пароходы и транспорты, перевозившие войска, вооружение, снаряды и продовольствие из Америки в Европу. Казалось, от них не было спасения; не проходило дня без того, чтобы ими не было потоплено какое нибудь судно.

Одним из действительных средств для обороны против подводных лодок стал воздушный флот: привязные аэростаты, дирижабли и особенно гидро-самолеты. Гидро-самолеты, благодаря своей скорости, в короткое время могли обозреть огромные водные пространства, наблюдая с высоты за поверхностью моря или океана. Заметив подводную лодку даже на значительной глу-

бине, не говоря уже про то, когда она плыла на поверхности моря, летчик удачным попаданием сброшенной бомбы иногда и сам отправлял ее на морское дно, а чаще всего сообщал по радио сторожевым судам о появлении подводной лодки, и тем самым помогал ее уничтожению. В то же время он предупреждал торговые суда о грозившей им опасности.

Положение сразу изменилось: за последние десять месяцев войны немцам удалось потопить всего только три судна неприятеля.

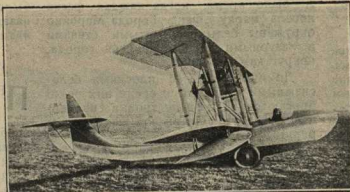
Гидро-самолеты разделяются на лодочные (летающая лодка), спускаемые на воду на подставляемые под них колеса, и полпялковые, имеющие обычно пару полпялков, на которых гидро-самолеты держатся на воде.

Гидро-самолет „амфибия“ (амфибия—значит земледводное животное) снабжен и колесами и полпялками, благодаря чему он может подниматься от земли и садиться на воду, или наоборот.

Необходимо упомянуть и о так называемом, морском самолете, который, взлетая с суши или палубы военного корабля, может, в случае необходимости, садиться на воду и держаться часов двенадцать, не затонув, пока ему не придет на помощь судно, которое берет его на борт или на буксир.

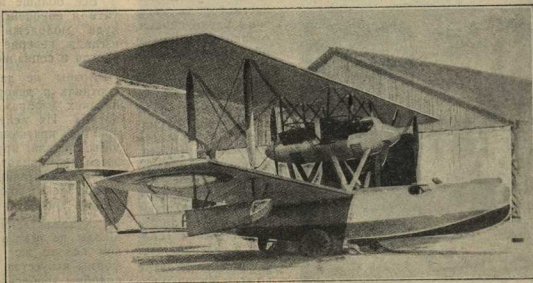
Далее в морском деле важное значение имеет корабельная авиация.

Сюда относятся бортовые самолеты, которые поднимаются в воздух с площадок, устраиваемых над средними бронедеками или же с катапульт. Имеются специальные суда, называемые авианосцами, назначение которых — служить базой для авиации. На авианосце имеются ангары, аэродром (палуба), ремонтные мастерские, склады запасных частей и горючего.

Гидро-самолет „Амфибия“ Е. В. А. 17 с мотором Испано-Сюма, 180 лощ. сил.

В настоящее время в морской авиации имеется целый ряд разнообразных воздушных судов, каждое из которых

Летающая лодка С. А. М. S с двумя моторами Испано-Сюма по 275 лощ. сил каждой. Колеса под лодкой служат лишь для выката лодки из воды на сушу.

Самолеты поднимаются в воздух или прямо спалубы авианосца или же при помощи катапульт. Последняя представляет из себя обычно металлическое сооружение в виде длинной, узкой платформы, поворачивающейся во всех направлениях. Действует она сжатим воздухом или пороховыми газами. Самолет, поставленный на катапульту, получает достаточную скорость для взлета, катапульты как бы, стреляет самолетом,

Возвращаясь с моря, гидросамолет садится на палубу авианосца, на которой имеются приспособления, помогающие самолету быстро потерять поступательную скорость.

В морской войне гидросамолеты несут самую разнообразную службу.

Одни из них — разведчики несут разведывательную службу, сообщая сведения о движении и расположении неприятельских кораблей, о появлении враждебных подводных лодок, корректируют стрельбу береговой и судовой артиллерии, другие же — истребители обороняют свои берега или свой флот от нападения воздушного врага, атакуя его пулеметным огнем.

Бомбардировщики бомбардируют неприятельские прибрежные города, гидробазы и суда, сбрасывая бомбы весом от 30 до 60 пудов каждая. Разрушительное действие подобных бомб настолько велико, что большие броненосцы тонут в течение нескольких минут, как показали опыты в Америке.

Гидросамолет — миноносец (торпедоносец) несет на себе мину. Заметив неприятельский корабль, летчик направляется к нему быстрым ходом, снижая на несколько десятков метров над водой, опускает самоходную мину на воду, а сам быстро и круто взмывает вверх, спасая от обстрела из специальных орудий корабля. Мина, движущаяся по инерции и при помощи имеющегося в ней автоматического двигателя, устремляется на злуполучный корабль и, в случае удачного нападения, раздается оглушительный грохот и через несколько минут грозный стальной гигант исчезает в морской пучине.

Три года тому назад в Америке возник вопрос, стоит ли тратить деньги на морской флот, если постройка одного броненосца обходится в несколько десятков миллионов, а он в 20—30 минут может быть потоплен подводной лодкой или гидросамолетом-бомбардировщиком. Вопрос этот возбудил самые жаркие споры: одни доказывали, что морской флот необходим и морская авиация не имеет особого назначения для обороны страны, другие же утверждали, что морской флот — уже устарелый способ защиты, и нечего тратить на его постройку и содержание баснословные суммы зря, когда стоит затратить одну десятую этих сумм на подводные лодки и морскую авиацию, и страна будет в полной безопасности.

Тогда правительство решило произвести опыты, пожертвовав для этого двумя германскими броненосцами, несколькими миноносцами и подводными лодками, доставшими в Америку при

дележе добычи союзниками по окончании мировой войны. Эти опыты, произведенные в июне 1922 года, поразили весь мир. Гигантские корабли пошли ко дну в течение 20—30 минут после попадания около их бортов нескольких бомб, весом от 30 до 60 пуд., сброшенных с гидроаэропланов-бомбардировщиков.

После этих опытов уже не оставалось ни малейшего сомнения в том, что морская авиация является одним, из самых могучих и действительных средств для обороны страны и с того времени развитие ее во всех главнейших го-

особенно Леня, находятся богатейшие золотые россыпи. Доставить туда необходимые инструменты, съестные припасы, лекарства, почту и вывести оттуда добытое золото можно легче и быстрее всего, конечно, на гидросамолете.

В такой обширной стране, как СССР, занимающей одну шестую часть всего земного шара, гидросамолет может найти себе самое широкое применение.

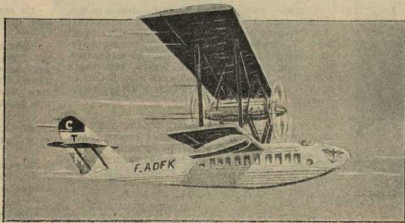
Он незаменим при гидрографических работах, то есть при составлении карт морских берегов, нанесении на них отмерей и подводных камней. Гидросамолет может быть особенно полезен в борьбе с контрабандистами, тайно и беспощадно провозящими и увозящими разные товары, наносимые этим большие убытки государству и с иностранными хищниками, ловящими у наших северных и восточных берегов драгоценную рыбу и морских животных. Он может оказать большую помощь рыбакам, ходящим в море за красной рыбой, так как с воздуха скопления рыб и даже отдельные крупные породы рыб и морских животных бывают легко заметны.

Важную роль гидросамолеты могут иметь и в деле спасения погибающих в море судов и людей. Часто бывает, что рыбаки в Каспийском или Белом море уносятся на оторвавшейся льдине, кто же может оказать им помощь быстрее, чем гидросамолет береговой охраны. Он со скоростью 160 километров в час может вылететь на розыски пропавшего судна или унесенных на льдине людей, сообщить по радио о месте их нахождения и вызвать на помощь находящиеся в море или у берега сторожевые суда.

Гидросамолет незаменимое подсобное средство для исследования малодоступных человеку мест. Во время последних полярных экспедиций (Амундсена, Макмиллана и другие) были полностью использованы скорость передвижения и независимость от земных препятствий этого типа воздушного судна.

Для Советского Союза имеющего несколько морей, огромных озер, бесконечные побережья Северного Ледовитого и Тихого океанов, а также богатейшую водную речную систему, крайне важно развивать морскую авиацию — эту отрасль воздушного дела.

Морская авиация нужна СССР не только как военная сила для обороны его берегов и для совместных действий с союзными во-морскими делами, но и как средство поднять культуру страны и облегчить сношения с оторванными от внешнего мира отдаленными областями, тающими в себе неисчерпаемые природные богатства.

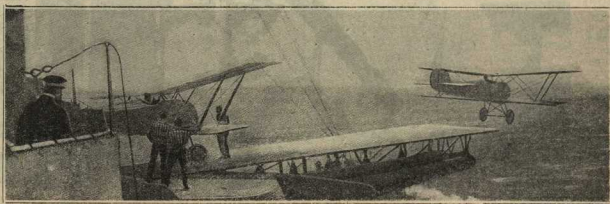

Коммерческий гидро-самолет С. А. М. С. с двойным мотором в 55 лоп. сил.

сударствах, идет огромными шагами вперед.

Но мы, преисполненные самых миролюбивых намерений, не собирающиеся на кого-либо нападать, можем задать себе вопрос: для чего же нам в мирное время нужны гидросамолеты?

Оказывается, что нужны и для очень многих надобностей. Прежде всего, для перевозки пассажиров, почты и грузов. Многие из наших читателей видели гидро-самолет Юнкера в прошлом году на сельско-хозяйственной выставке и, вероятно, даже летали на нем. Вот такого и других типов пассажирские самолеты могут оказаться чрезвычайно полезными для перевозки пассажиров и грузов или там, где требуется особая скорость передвижения или в таких местах, где нет других средств сообщения. В нашей далекой Сибири имеются реки, которые тянутся по направлению в Северо-Ледовитый океан на протяжении несколько тысяч верст. Берега их представляют непроходимые тундры, дор нег, имеются лишь тропы, проложенные диким зверем и охотниками за ним, а между тем, по берегам этих рек,

Летит самолета Анри Н. Д. с площадки, устроенной на орудиях броненосца.

СВЕТ НА СЛУЖБЕ У ЧЕЛОВЕКА

Очерк Г. М.

В ДАЛЕКУЮ первобытную эпоху человечество не знало искусственного света. Жили, как звери—днем, и с наступлением вечера прятались в пещеры. Но настал день, когда человек открыл огонь, и явился искусственный свет. Сначала костры и факелы из смоляных ветвей, затем грубые сосуды с маслом, затем керосин, газ, наконец, электричество.

Но прошли тысячелетия прежде, чем человек добрался до открытия „лучей“.

А так как человек в своей деятельности и жизни не стоит на одной точке, как животные, а или разрушает, или созидает, то и лучи приняли две формы.

Наука так и называет их: „лучи смерти и лучи жизни“.

Лучи смерти, разрушающие все на своем пути,—стали известны уже лет 30 назад, но только последние—лучи Матюса (по имени их изобретателя) получили широкую известность.

Матюс делал опыты в Париже и показал в маленьком масштабе изумительные достижения.

В лаборатории цилиндр с лучами смерти направляли на кучку пороха,—она немедленно взрывалась, на зажженную лампочку,—она трескалась и тухла, на пушечную полым ходом мотоциклетку,—она останавливалась и падала, на клетку с крысой—мгновенная смерть, на модель самолета—мотор останавливался, и самолет разбивался.

В настоящее время установлена в Париже большая „пушка лучей смерти“; состоит она из фарфоровой подставки, на которой укреплен цилиндр с 3-ми прожекторами, излучающими лучи смерти. Человек, работающий при пушке, принужден одевать особые костюмы для изоляции тела на случай „отдачи“ луча.

Лучи жизни, как само название указывает,—все лучи, приносящие пользу человечеству.

ЛУЧИ СМЕРТИ Р. Матюса

Опыт изобретателя «лучей смерти» — Райделя Матюса в Париже. (Иллюстрация из американского журнала «Знания»).

Еще Рентген в конце прошлого столетия открыл свои знаменитые X-лучи. Им мы обязаны просвечиванию предметов, до того непрозрачных, которое приносит огромную пользу в лечебном деле.

За последнее время во Франции стали применять другой тип X-лучей—„золотых“, как их называют. Прибор состоит из серии лампочек, укрепленных на вращающемся колесе. Каждая из них имеет 30.000 уатт и высеребрена до половины снизу. Каждая из них зажигается только на то мгновение, когда она проходит через определенную точку; все же остальные не зажжены.

Эти лучи просвечивают не только кости, но и внутренние органы и кровеносные сосуды.

Открытие ультра-фиолетовых лучей дало возможность применить в медицине лечение „горным солнцем“.

Что такое ультра-фиолетовые лучи? Солнечный спектр имеет 7 видимых цветных лучей, но было доказано, что за последним фиолетовым лучом имеется еще луч—невидимый.

Его назвали ультра-фиолетовым лучом. Это тот луч солнца, который дает загар, который больше всего оздоравливает организмы. Он не проходит через обыкновенные стекла окон; поэтому люди, живущие взаперти, чахнут и болеют.

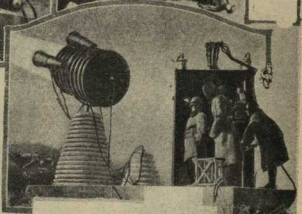
Наука нашла способ использовать эти лучи, и лечение ими дало самые блестящие результаты, особенно для излечения рахита у детей и многих легочных и горловых заболеваний.

Опыты показали, что эти лучи убивают бактерии меньше, чем в 1 секунду.

Открытие способа делать стекло из минерала кварца дало возможность ввести ультра-фиолетовые лучи солнца в комнату.

Многие больницы за границей ввели уже у себя особые залы с кварцевыми окнами, где больные „загорают“ по несколько часов в день зимой, как и летом.

Опыты над цыплятами показали, что 2 цыпленка одного выводка, помещенные один с простым стеклом, а другой с кварцевым, дали уже через 4 недели огромную разницу: как в весе, росте, так и в строении скелета.

Кварцевые стекла пока очень дороги, но ищут способа массового производства тогда наши жилища оздоравливаются, и детские заболевания сойдут на-нет.

Теперь об освещении. Начало электрического века относится к 1879 году, когда Эдисон дал миру свою первую практическую, всем доступную электрическую лампочку.

В 1901 году в Америке был основан экспериментальный электрический институт, он развил эту деятельность до достижений сегодняшнего дня, когда слово „электрификация“ вошло в обиход нашей жизни.

В настоящее время ученые работают над лампочкой, которая дала бы настоящей дневной свет. Помимо пользы для ночных работников, здесь учитывается и намечаемая колонизация полярных стран, куда все больше и больше тянутся аппетиты всего мира. Там 6 месяцев царит зимаю полная ночь, и искусственное солнце является одним из крупнейших достижений человека.

Но, вероятно, нигде свет не встречается так радостно, как на судне, затерявшемся бурной ночью в океане. Луч маяка—жизнь для экипажа. На далеких окраинах материков, у Огненной Земли, в полярных областях, где бури свирепствуют и некогда разбивались сотни судов ежегодно, ночная тьма пронзается теперь ослепительным снопом света. Сторожа маяков живут вдали от мира по 3—4 месяца до приезда новой смены, аккуратно поддерживая огонь дуговых ламп.

Кроме этого, в уединенных береговых рифах устанавливаются буй с газовой лампой, действующей 3 месяца и с глухой сиреной, зловеще ревущей, когда море начинает бить о скалы, и заливают буй выше обычного уровня.

Сторожье судно регулярно прибывает каждые 3 месяца, заряжает газом лампу, осматривает механизм сирены и оставляет этого „светового сторожа“ бурного моря.

Морской буй с укрепленной лампой для указания морских мелей и подводных камней.

БАСКЕТБОЛ

Б. ГРОМОВ, снимки С. КРАСИНСКОГО.

В разгаре игры.

ИГРА В БАСКЕТБОЛ впервые была введена к нам из Америки в 1917 г., но в то время по целому ряду обстоятельств не могла получить достаточно широкого распространения. Лишь в 1920 году баскетбол получает все права гражданства и начинает разыгрываться на всех крупных соревнованиях. Уже в 1923 году на первом Всесоюзном празднике физкультуры разыгрывается первенство СССР по баскетболу.

В настоящее время баскетбол введен в план занятий всех кружков физкультуры фабрик и заводов. Увлекательная игра, не требующая большого места и приспособлений, дающая возможность одновременно заниматься деятельным участникам, она получает все большее и большее распространение среди физкультурников. К тому же баскетбол вполне доступен для занятий девушкам. Собственно говоря, он впервые и был предназначен для них. Лишь позднее в баскетбол стали играть мужчины и разыгрывать свои первенства.

В баскетбол играют на площадке, представляющей собою прямоугольник, длиной в 26½ метров и шириной в 15 метров. Игра состоит в том, чтобы рядом комбинаций провести обыкновенный футбольный мяч к сетке противника и попасть в нее.

Сетка приделана к щиту, щит расположен на стойке. Щит делается размером — 1 метр 80 сантиметров × 1 метр 70 сантиметров и укрепляется на высоте 2 метров 70 сантиметров от земли.

заборов, канав и т. д.

Как и в футболе длинные линии называются боковыми, а короткие — лицевыми.

В центре площадки делается круг, радиусом в 60 сант. Отсюда и начинается игра.

На расстоянии 5 метров 20 сант. от обоих лицевых черт делается параллельная им черта штрафной площадки. На

В 30-ти сантиметрах от нижнего края щита к нему прикрепляется на крошечные, параллельно земле, обруч (железный), и м сующий радиус — 19 сант. или 22,5 сант., если игра производится специальным баскетбольным мячом.

К обручу прикрепляются веревочные сетки, имеющие вид корзины с открытым дном. Эти сетки помогают уловить момент прохождения мяча в корзину. Площадка ограничивается со всех сторон линиями, вычерченными белой известкой или разведенным мелом. Линии делаются в 5 сант. ширины. Они должны находиться не менее, чем на 1—2 метра от каких либо препятствий, в виде скамеек, деревьев,

середине этой черты, прямо против щита, делается круг, радиусом в 1 метр 80 сант., открытый со стороны стоек, к которым идет коридор шириной в 1 метр 80 сант. Это и будет — область штрафного броска.

Команда при игре в баскетбол состоит из 5-ти человек (мужчин или женщин), представляющих из себя двух защитников и трюх нападающих. Из среды игроков выбирается капитан, являющийся руководителем данной команды и отвечающий за ее поступки и поведение. Если на поле выходит менее 4-х человек, игра не может состояться (на официальных соревнованиях).

Итак, каждый защитник имеет цель не дать противнику, а в частности двум его крайним нападающим провести мяч к своей корзине и попасть в нее. Защитник должен выражаться спортивно, «держаться» игрока.

Что это значит?

Это не значит, конечно, буквально уцепиться за него и не пускать. Защитник должен всеми способами, которые предусматриваются имеющимися правилами, помешать игре противника.

Центрового нападающего противника должен держать центр своей команды.

Итак три человека нападения держатся двумя защитниками и центром.

Целью нападения команды является обмануть бдительность защитников и, проведя мяч к корзине противника, закинуть его туда.

Для того, чтобы это успешнее выполнить, необходимо «насоваться», т. е. быстро передавать мяч друг другу, стараясь при этом сильно бежать к сетке противника и следить за тем, чтобы мяч не попал в руки противника.

Победителем считается та команда, которая заложит наибольшее количество мячей в сетку противной партии, т. е. получит наибольшее количество очков.

Баскетбол в противоположность футболу отвергает малейшие грубоности. Вся

Нападение отбито.

игра происходит необыкновенно корректно. Все замеченные судьей грубости, в виде толчков, отпихиваний, ударов, умышленных задерживаний противника своим телом — все это штрафует, т. е. дается внеочередной штрафной бросок в сетку противника. Для этого игрок становится в «область штрафного броска» и без всякой помехи со стороны других спокойно бьет по сетке. Остальные игроки в эту «область» входить не могут до того момента, как мяч коснется щита или сетки.

Если кто либо из противников зашел за линии ранее этого срока — дается повторный штрафной удар.

Игра начинается с того, что судья (выбирается вполне опытный, знающий товарищ, который пользуется доверием обеих команд и в совершенстве изучил правила игры) подбрасывает вверх мяч в центре поля, в кругу. К этому времени команда располагается следующим образом: оба центровых стоят по краям круга, лицом к сеткам противоположной команды, левые руки заложены за спину (у пояса), правые вытянуты вверх.

Судья, выбросив мяч вверх, одновременно дает свисток, возмещающий этим начало игры. Оба центровых стремительно подпрыгивают вверх, стараясь ладонями достать и отбить мяч.

Крайне нападающие обеих команд в это время несколько выдвинулись вперед и ждут момента поймать мяч и быстро передать его «своему».

Если мяч после удара центровых не полетел прямо в «аут» — то игра продолжается. В противном случае судья отбирает мяч и производит опять всю вышеописанную процедуру.

Как правило, следует запомнить, что ловить и ударять мяч можно лишь ладонью руки. Бежать с мячом больше двух шагов не полагается. Здесь следует или быстро передать его своему партнеру, или же бежать, делая «дриббл»; тот же способ применяется в игре «ручной мяч», т. е. ведение мяча ударом одной руки так, что мяч прыгает от земли к руке и обратно. Но при этом

следует помнить, что вестя «дриббл» обеими, попеременно, руками — запрещается.

Ударять мяч ногой нельзя. В этом случае судья дает свисток, и игрок противоположной команды выкидывает мяч с «аута».

Из всего вышеизложенного ясно, что игра должна вестись в быстром темпе, и здесь выигрывает та команда, которая лучше тренировалась, сыгралась, у которой наилучшее попадание по сетке.

Нужно очень хорошо изучить друг друга, изучить манеру и тактику игры всех своих партнеров, нужно так сыграть, чтобы с закрытыми глазами знать и быть уверенным, что такой-то игрок непременно находится в определенном месте. Это крайне важно.

Иной раз, в игре, вам нет времени оглядаться, посмотреть, где бежит ваш партнер, в виду того, что защитник другой команды мешает вам это сделать. Вот тут-то и приходится кидать мяч наугад. Хорошая же команда наугад не бросит ни одного мяча. Она использует всякое преимущество. Поэтому и бросок игрока будет точным в руки партнера или по сетке противника.

Отражает нападение.

Если мяч забит в сетку «с игры», а не со штрафного броска — команда получает 2 очка. За мяч, брошенный со штрафного удара, дается одно очко.

Игра продолжается два хайтайма по 20 минут с перерывом в 10 минут.

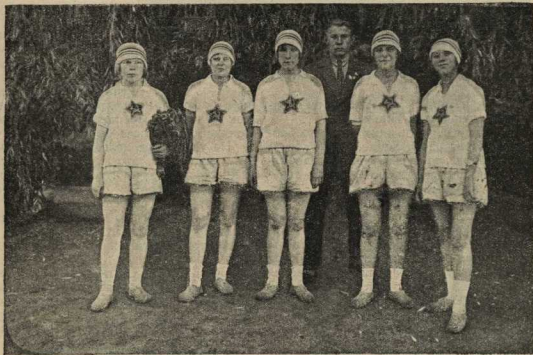
Для того, чтобы удобнее было следить за игрой, в помощь главному судье дается «помощник судьи», который следит, главным образом, за игроками, находящимися на противоположной от главного судьи стороне. За правильною времени следит «счетчик времени». Он обязан вычислить время в случае внезапного перерыва игры (напр. из-за ушиба и падения игрока, удаления кого-либо с поля и т. д.). За правильным счетом следит «счетчик очков». Это — все необходимые «должностные» лица.

Одежда баскетболиста состоит из легкой рубашки или майки цвета своей организации и туфель с нескользящей подошвой, желательно резиновой.

Игра, как видите, несложная и, вместе с тем, простая и увлекательная. Она может быть лучшим агитатором и способом вовлечь девушку в правильные и регулярные занятия физкультурой.

Баскетбол чрезвычайно полезна игра и в смысле физического воздействия на организм, ибо включает в себя, как основные элементы, естественные упражнения в беге, прыжках и метаниях, развивая мышцы, давая усиленную работу сердцу и легким, усиливая обмен веществ.

Давайте играть в баскетбол!

Группа работниц — спортсменок, ездивших в Чехо-Словакию на баскетбольный состав; сидит автор статьи Б. ГРОМОВ.

НЕРВЫ АРМИИ

Очерк Н. НИКОНОВА

ПОРА ВСТАВАТЬ!.. Пора вста-вать!.. раздается протяжно сигнал.

Палатки ожили, курсанты сбрасывают оковы сна, спешат умыться. Холодная вода освежающими струйками бежит на заспанные лица.

Восходящее солнце скользит по проспающемуся лагерю, легкий ветерок, лаская, шелестит листьями шелковиц и акаций, живописно разбросанных между палаток.

— Вставай! — будит заспавшихся громовой голос дежурного.

Через 10 минут быстрые, освеженные холодной водой, выстроились курсанты двумя ровными ленточками на завтрак.

В столовой; звенят о тарелки ложки, курсанту некогда долго завтракать, есть дела поважнее. Наевшиеся выходят, скручивая из махры "сигары", спешат в палатки приготовить винтовки, скатки, сумки... Сегодня выход на двухдневные маневры.

— Становись!.. Равняйся! — раздается команда ротного командира.

Блестя на солнце штыками, выстроились приготовившиеся в поход, будущие воспитатели красноармейцев.

Еще только 7 часов утра, а уже стройные колонны двинулись на 25-верстный переход.

Уверенные, загорелые лица выражают удовольствие.

Сзади движутся двуколки с шестами, проводом, катушками, телефонами. Да, работа будет. Ярко выделяется разрисованная на лобу дна международного положения агитационная двуколка. Ребята не забыли захватить и гостинца для крестьянина — книги о продналоге, сельском хозяйстве, об улучшении и т. д.

Прошли дер. Дарницу. Привал — 10 минут. Спешно разбираются на команды. Отсюда будут наводить связь. Здесь

остается штаб корпуса — ядро, руководящее действиями остальных.

Работа закипела. "Шестовка" строится с быстрой молнией, исповешные курсанты бегут от шеста, протягивая провод.

К 5-й ГОДОВЩИНЕ ЯЧЕЙКИ РАКСМ ПРИ НКПС

Наркомунит тов. Рудутику, избранному почетным комсомольцем, — пригласывают кимовский явчкы.

— Уж не война ли? — с испугом спрашивает опешивший дядька.

— К вам в гости идею, — весело бросает в ответ работающие.

В стороне, по сучкам, по канавам, набрасывают и раскидывают на бегу телефонный кабель.

Часы показывают 3 пополудни. Команды входят в Александровку, конечный пункт перехода, в 20 верстах от Дарницы. Хата превращается в центральную телефонную станцию; на столе, на лавках за аппаратами, принимаая и передавая депеши, сидят телеграфисты. К крыльшу подсакивают и скачут обратно курьеры с донесениями. За околицей, блестя лучами антенны, раскинулась радио-станция, удивленный и обрадованный дядька слушает Москву.

Связь — нерв Красной армии — работает во всю.

— Обед готю! — кричит дежурный по кухне.

Наскоро умывшись, с котелками бегут за обедом и тут же на травке разместились уставшие ребята; вытаскивая из-за голенища ложку, принимают за еду.

Вечерняя прохлада сменяет знойный день. С гармошками, с песнями отправляются курсанты, смешавшиеся с крестьянами, на вечер в клуб.

В клубе тихо. Напрягаясь, слушает крестьянин доклад о международном положении, изредка раздаются дружный хохот в ответ острой шутке докладчика; потом доклад о продналоге. Крестьянин, как ни интересно, не привыкая еще крестьянская голова, загруженная повседневными заботами, переваривать такую уйму материала.

Доклады сменяются анекдотами, комическими рассказами, песнями. Поздно расходится по домам, бережно неся драгоценный подарок — книгу. Не хочется... Как рано кончилось!.. Просят бывать чаще.

На улице еще долго слышатся шумные разговоры — это курсанты беседуют с крестьянами, — много у последних накопилось вопросов, и они в этот вечер стараются их разрешить.

Утро. Солнышко выходит, заливая житню золотыми лучами. С косяк на плече пошел крестьянин на свою трудовую работу.

Связь быстро сменяется. Крестьяне с сожалением смотрят вслед уходящим курсантам, так много хорошего принесли с собой и так быстро уходят.

Мало достается на долю крестьянина таких денюгов!

Курсанты, весело помахивая на прощанье фуражками, принимают за свою работу.

ШТОПОР И ВАСЬКА

АКИ, иллюстрации К. УРЕТИС

Вася Зыбин попытался употребить короткие брюки, с отворотами, галстук и клетчатое кепи.

ОТДАВАЯ дань духу времени, Вася Зыбин попытался употребить короткие брюки с отворотами, галстук и клетчатое кепи. Но с него, как с гуся, стекла и галстук, и брюки, и прочие новшества; — преворив их в дюжину книг, футбольный мяч и билет в кино, Вася снова появился у нас, одетый в потертую кожаную куртку и в брюки неопределенного цвета, полученные по ордеру в 20 году.

В этот вечер Вася был настроен меланхолически: взман, наступивший в травме ему на ногу, испортил его настроение. Он ругал взманов и мечтал о востроении, когда мы с ними разделяемся.

— Но Нэт исторически необходимо, — возражала ему рабфаковка Вера, забредшая зажигать папирос для своей комнаты.

— Вы правы, обольстительная Вера, — жельно ответил Вася. — Я не спорю, когда Нэт идет стране миллионы пудов хлеба. Но когда эта историческая необходимость наступает на ногу подошвой величины в чайное блюдце, — слуга покорный. — То ли, — говорил он мечтательно, — было раньше.

С помощью папирос и чая нам удалось помирить Васю с Нап'ом и, усадив на кровать, которая всегда служила трибуной для его рассказов, услышать, что именно было раньше.

...Одного звали Штопором, другого — Ваской.

Кроме отца и табельщика, мало кто знал настоящую фамилию Штопора. Если вам надо его вызвать, — ученика из котельного цеха, — спросите Штопора, и через минуту с вами будет здороваться молодой черноглазый парень в кепке набекрень.

Это он и есть.

Вася тоже работал в котельном. Шесть часов в день он разогревал клепки бок-о-бок со Штопором. После гудка он вытирал концами грязь и масло с рук и выходил с ним под руку.

Вася был ростом ниже Штопора. На лице у него веснушек было больше, чем тогда рублей в Республике, на свободном от веснушек месте помещались только голубые глаза и маленький нос.

Стоит ли говорить о ребятах, когда даже отец, которого Вася справедливо считал прямым виновником и нос и веснушек, называл его „конопатым“, что очень неприятно в 16 лет.

Штопор и Вася были друзьями, товарищами по несчастью. На собрании рабочей молодежи, когда докладчик, рассказав о 1 сезде Комсомола, предложил всем записываться в ячейку, только двое остались на своих местах — Штопор и Вася.

— А, вы что же? — поинтересовался докладчик.

Штопор независимо почесал нос козырьком кепки и ответил:

— Очень вы мне нужны „шпингалеты“.

И Вася тоже:

— Пуговицы портошные.

И ушли с собрания.

Обиженные комсомольцы хотели их проучить, но потом махнули рукой на их несознательность. Зато при встречах не теряли случая обозвать „гидрой“, „конопатым“, „лярвой“ и так далее.

Вася терпел; Штопор пробовал пускаться в дело кулаки, а иногда и болт. Каждый день, для с работы, приятели ругали комсомольскую шпану, но от этого легче не было.

Положение Штопора было особенно обидно. Перед тем, как идти на собрание, он заявил отцу, что хочет записаться в Комсомол. Отец сдвинул ему по затылку и обещал поломать ноги.

Хотя за свои ноги Штопор был спокоен, однако, он знал, что отец ему жизнь не даст. Отец его был саломник, — здоровый, бородатый, с руками, черными от вара. Шесть лет в неделю Штопор вел с ним споры о Комсомоле, но в седьмой, в воскресенье, отец напивался пьяным и учил „политический террор“, употребляя колдки, ремеш и другие репрессии.

А в понедельник на работе Штопор снова обзывал комсомольцев „крупной“ и „пистолетам“ в ответ на предложение записаться в Комсомол. В обеденный перерыв он усаживался во дворе, в тени опрокинутого котла вместе с Ваской. Хрустя хлебом, он сочувственно прислушивался к Васке, обещавшему

открыть голову Петьке Мещерякову председателю комсомольской „ячницы“.

Дни шли за днями и были похожи один на другой. По вечерам Штопор и Вася встречались на пустыре за огородами, шли в горсад, редко на бульвар и делились впечатлениями. Говорили о дебатах, о киношке, говорили обо всем, чтобы только не говорить о Комсомоле.

С каждым днем Вася мрачнел, непривычно сулил рыжую бровь, и Штопор догадывался, что близок час, когда Петьке Мещерякову отложится все невзгоды и обиды. Его брало раздумье: полно, так ли уж стоит избить комсомольского секретаря. Давно ли они вместе дули в очко и казанки, разве не с Петькой водили они голубей и разве не все остальные ребята с ним. Если бы не отец, он, пожалуй, и сам... Но взгляд на хмурое Васькино лицо сразу отрезвлял его: он молчал и ни о чем Ваську не спрашивал.

В один из понедельников кепка Штопора была надвинута ниже обыкновенного, скрывая сияк на лбу, величины в гривеник.ворот рубахи был застегнут наглухо; на спине и на груди сиянков хватало бы на полумесячную лодучку. Вел он себя странно: мимо извещения о собрании ячейки он прошел смиренно, зато сердито пуял ногой попавшийся по дороге ящик. Когда Петька Мещеряков наשמелю справился, — что пилит в газетках и почему на базаре рыба, — Штопор кротко отвернулся и углубился в работу.

Весь день молчал и смущенно поглядывал на Ваську. После гудка он взял его под руку и вышел с ним за ворота...

— Поидешь сегодня в сад? — спросил он Ваську после некоторого молчания.

Даже сквозь веснушки было видно, как покраснела Вася.

— Не пойду, — ответил он, делая вид, что лобуетя мостовой.

Но Штопор был настолько занят своими мыслями, что не стал доискиваться причины странного Васькиного

Штопор и Васяка были друзьями.

Пойдешь против, если из тебя каждый вечер будут пыль выколачивать.

поведения. Он рассеянно потрогал компрессирующийся сник и обернулся к Ваське.

— Я когда-нибудь поломаю голову моему отцу, — сказал Штопор с мрачным отчаянием. — Ремень, — куда ни шло, но быть колодкой по голове, — это уже не модель...

Штопор сел на скамейку, снял кепку и показал Ваське сник.

— Больно? — спросил Васька.

— Или уйду из дому, — продолжал Штопор, не отвечая на праздный вопрос, — провали он трижды со своими колодками.

— За что же он тебя так отделал? — полюбопытствовал Васька.

Штопор помолчал, смущенно царапая пятно на брюках. Потом решительно повернулся к другу.

— Слушай, Васька, я не знаю, почему ты не хочешь вступать в Комсомол! Я решил записаться еще давно, когда было у нас первое собрание, но заработал от отца такую оплеуху, что у меня чуть не выскочили зубы. Если бы я записался все-таки, отец оставил бы от меня одну подкладку.

— Конечно, — продолжал Штопор с излишней горячностью, — я не говорил об этом ребяти, — засмеют, черти полосатые. Но теперь я махнул на все рукой. Мы с тобой товарищи, Васька. Если ты идешь против Комсомола, — это твое дело, а я, все-таки, записываюсь. Может быть, ты со мной поссорись из-за этого, — делай, как знаешь. А лучше бы ты тоже записался, а, Васька?

Васька молчал.

— Верно, Васька... я сегодня приду на собрание подавать заявление, — давай вместе напишем.

Васька отрицательно качнул головой. — Не пойдешь? — уважившим голосом переспросил Штопор.

Васька еще раз качнул головой.

Штопор снова принялся царапать пятно на брюках. Васька молча смотрел в сторону. Штопор с тоской ждал, когда Васька встанет, обзовет его «мямлей» и уйдет.

— Отец говорит, — прервал затянувшееся молчание Штопор, — что каждому комсомольцу выдают билет, в котором он должен расписаться, что отрывается от отца и от матери.

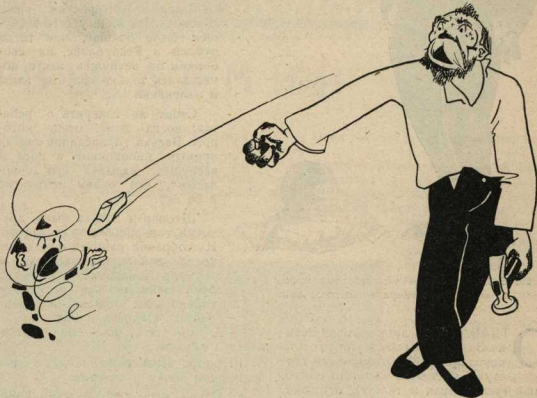
— Врет он, твой отец, — вдруг вышел Васька из неподвижности, — ничего такого там нету. Совершенно обыкновенные билеты, вроде, как расчетная книжка.

Он встал, тряхнул соломенными волосами и полез за подкладку картуза.

— Например, такие...

— А понять, право, нетрудно. Поневолу пойдешь против, если из тебя каждый вечер будут пыль выколачивать. Думаю теперь, что волос, который они тогда вытащили у меня из прически, хватило бы не на один матрац.

И он встал во весь свой длинный, нескладный рост и, кивнув головой, двинулся к двери, оставив Веру в смущении и восторге, с раскрытым ртом, пока на лестнице не затихли его легкие, медленно удалявшиеся шаги.

Отец напивался пьяным и учинял «политический террор», употребляя колодки, ремень и другие репрессивы.

Из-за подкладки выглянула маленькая коричневая книжка, тотчас перешедшая в руки Штопора.

«Российский Коммунистический Союз Молодежи», — вслух прочел оторопевший Штопор. — «Членский билет. Дан тов. Василию Зыбину в том, что он действительно состоит член РКСМ с 18 декабря 1918 г.»

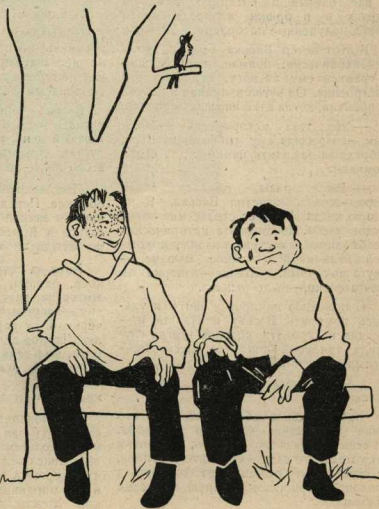
Дальше Штопор читать не стал. Он все понял: Васькино смущение, стыд, раскаяние.

— Однако, — сказал он, помолчав и снова потрогав сник, украшающий лоб, — и сволочь, ты, Васька, зловедная. Ну, пойдем что ли на собрание.

— Позволь, — вступилась Вера, — так это ты и был?

— Да-а, раздумчиво ответил Васька, — это я и был, друг мой Вера.

— Тогда, друг мой Василий Иванович, я опять не понимаю, что же ты имел против Комсомола?

Штопор сел на скамейку, снял кепку и показал Ваське сник.

А. И. ПОКРОВСКИЙ. Механика твердых тел, жидкостей и газов.

С 20 рис. Библиотека рабочей молодежи. Естественная научная серия. «Молодая Гвардия», 1924 г. Стр. 39.
Все, что можно сказать по механике твердых, жидких и газообразных тел на 39 страницах в 1/4 дюйма листа, А. И. Покровский изложил — просто и доступно. Также просты и доступны тем и четко исполнены рисунки в брошюре.

Но, конечно, содержание являлось совершенно недостаточным для чего другого, кроме того, чтобы узнать, что за штука такая «механика» и о чем она толкует. Прочтя эту книжку, механиком, разумеется, не станешь, а этого, к сожалению, в брошюре не сказано. А жаль — потому что как раз благодаря такой маленькой брошюрке и искривно верит, что любой изумкой можно овладеть в один присест — лишь бы хватило куска пороху. Поэтому, такая короткая брошюра, как А. И. Покровского, может принести читателю некоторое разочарование, и, чтобы этого и избежать, в следующем издании ее бы следовало дополнить введениями, а также справочными сведениями, а также добавить в конце и для читателя, и для автора.

Спорт, 1924 г. Цена Лр. 60. Три небольших брошюры с очень хорошими рисунками.

3. П. В. РАТОВ. — «Легкая атлетика». Физкульт. издат. Москва, 1924 г. Цена 65 к. Книга дает исчерпывающий материал по устройству соревнований.

Плавание.
1. Л. ГЕРКАН. — «Плавая в ГВБЗ». Москва, 1925 г. Цена 90 к. Книга дает все необходимые сведения по вопросу о плавании и.
2. «ПЛАВАНИЕ». ГВБЗ. Москва, 1923 г. Цена 15 к. Коротенькая брошюрка, описывающая приемы плавания.

Гребля.
1. «ГРЕБЛЯ». ГВБЗ. Цена 15 к. Коротенькая брошюрка, описывающая приемы гребли. Рисунки, помещенные в брошюре, очень неудачны.

Спортивные игры.
Все перечисленные ниже книги написаны специалистами. В них освещены вопросы техники, тактики и обучения играм.
1. М. РОММ и С. СОСОВЕВ. — «Баскетбол». ГВБЗ. Москва, 1925 г. Цена 50 к.

2. М. РОММ. — «Ручной мяч и итальянская планка». ГВБЗ. Москва, 1925 г. Цена 35 к.
3. М. РОММ. — «Футбол». ГВБЗ. Москва, 1925 г. Цена 70 к.
4. С. О. КРИВИНСКИЙ. — «Тенис». Изд-во Ленинградского ГПС. 1925 г. Ленинград. Цена 60 к.

Велосипед.
1. БОРИСОВ. — «Велосипед». Издание «Красный Спорт». Москва, 1924 г. Цена 1 р.

Книга исчерпывающе освещает вопросы техники, тактики, ухода за машиной и тренировок.
Заключая список, необходимо упомянуть о маленькой брошюрке дра ИДЕ «Гимнастика движения», с которой надо обязательно ознакомиться. Брошюра дает указания о способе развития легких путем дыхательной гимнастики и является наиболее научно обоснованной и, вместе с тем, популярной из всей имеющейся по этому вопросу литературы. Мы советуем обратиться к брошюре особое внимание, так как состояние легких и умело ими пользоваться даже у многих, занимающихся физкультурными, далеко не блестяще.

Книги по физкультуре

И. ЯБЛОНОВСКИЙ и В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Занимаясь физическими упражнениями в кружке, ребята не должны забывать, что целенаправленная область физической культуры отнюдь не сводится целиком к работе в ямке. Применение солнца, воды и воздуха, физкультурой в быту, умелая работа можно использовать своей отдухи, обязательно пропагандировать идеи физкультуры среди молодежи, не вопле- нной еще в работу кружка, умело разобранной более подробно в технике и тренировке по отдельным видам физических упражнений — все это вы- вышает необходимость в пополнении своих знаний самостоятельным чи- чтением по физкультуре.

Книг по физкультуре за последнее время выпускается очень много, пере- читать их все не представляется воз- можным даже и не нужно, так как много из написанного не является ценным. Настоящая заметка имеет целью помочь в выборе книг для чтения по физкультуре.

А. КНИГИ, ДАЮЩИЕ ОЦЕНКУ МАКНИИ С ЦЕЛЯМИ, ЗАДАЧАМИ И СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

1. А. Г. ИТИН. — «Физкультура и Комсомол». Издательство «Молодая Гвардия». — Москва, 1925 г. Цена 35 коп. Брошюра дает оценку оценок комсомольской работы и ра- боты по физкультуре и краткой раз- работке средств и задач физкультур.

2. ПРОФ. В. В. ГОРИНЕСКИЙ. — «Гимнастика в упражнениях и спорта». «Физкультиздат». Москва, 1925 г. Цена 93 коп. Книга имеет по- мочь разработать в действиях физи- ческих упражнений, правильном их использовании и применении.

3. ПРОФ. В. Е. ИГНАТЬЕВ. — «Основы физической культуры». Издательство «Рабочий Просвещения». Москва, 1925 г. Цена 40 к. Брошюра дает общее представление о физи- ческой культуре и о применяемых о средствах. Большое внимание обращено в ней на объяснение дей- ствия солнца, воды и воздуха на организм. Написана брошюра немного трудно.

4. А. ЗИМУНД. — «Советская Физкультура». Изд-во «Новая Мо- сква», 1924 г. Цена 20 к. Брошюра освещает цели и задачи физической культуры в Советском государстве и дает перечень применяемых ею средств.

5. «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЛЕТНОМ». — Сборник статей. — «Физ- культиздат», Москва, 1925 г. Цена 50 к. В сборнике в ряде статей освещаются задачи и, главным образом, сред- ства физической культуры применительно к летнему сезону.

6. В. ГОРИНЕСКИЙ. — «Физкультура работница». Изд-во МГСПС. «Труд и Книга». Москва, 1925 г. Цена 70 коп.

Книга разбирает особенности орга- низма женщины, его отличие от орга- низма мужчины и в соответствии с этим дает указания о пользовании средствами физической культуры. Книга хороша написана, затрагивает очень большой вопрос тренировка девушек, в особенности из сред ком- муналов, во всем разнятся с муже- чинами, что в физической культуре совершенно недопустимо. Эту книгу осо- бенно рекомендуем прочитать.

Б. КНИГИ О ТЕМ, КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СОЛНЦЕМ, ВОДОЙ И ВОЗДУХОМ.

1. Д. Р. САРКИЗОВ СЕРАЗИНИ. — «Моря и реки, как источник здоровья». Изд-во «Земля и фабрика». Москва, 1925 г. Цена 75 коп. Хорошо напи- санная работа, в которой ряд прак- тических указаний по применению воды, как одного из средств физкультуры.

2. Д. Р. САРКИЗОВ СЕРАЗИНИ. — «Лейбств солнцем». Изд-во «Земля и фабрика». Цена 75 коп. Солнце — луч- ший друг человека, но пользоваться им надо умело. Автор в своей книге всесторонне освещает вопрос о поль- зовании солнцем.

В. КНИГИ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ЛЕТ- НИМ ВИДАМ ФИЗИЧЕСКИХ УП- РАЖНЕНИИ.

Легкая атлетика.

1. Д. Ф. ХАЛЫТ. (Перевод с немецкого). ГВБЗ. Москва, 1925 г. Цена 40 к. Книга написана большим количеством материала, издана почти в дословном переводе и потому по своей идеологии не прие- млема.
Удал, освещающий исполнение упражнений, можно вполне рекомендо- вать.
2. И. КУТЕЙНИКОВ. — «Бег, прыжки, метания» по технике легкой атлетике». Изд-во «Красный

Ребусы, задачи и шарады

№ 16 РЕБУС.

№ 20. ЗАДАЧА.

Ходом шахматного коня. Прочитать и изречение.

№ 17 ШАРАДА.

Н. Н. С.

Часть первая и третья ноты,
второй — выведи драмату...
Крестьянки им белой поля,
Есть буквы ставь то слово в ряд...
Четвертую нам даст рыбак.
Оль ты без буквы, а на так... Мы
сгорячло итвой — неразлучны...
Штесля — с именем совушка...
В больших газетах и газетках
Встречаем мы во всем заметки.
Для смехи народа сберечьим
В нем оказался смехом верный.

№ 18. ЗАГАДКА-ШУТКА.

«В середине какой оттопик поговя- вил согласную букву, долу чич, держа гол?»

№ 19. ВОЛШЕБНЫЙ КВАДРАТ.

В помещенном выше квадрате пере- ставить цифры так, чтобы суммы цифр горизонтальных, вертикальных рядов и диагоналей были бы равны.

0	1	2	3
4	5	6	7
8	9	10	11
12	13	14	15

Решения задач, помещен- ных в № 14.

№ 5. РЕБУС: «Труд наш закон». № 6. ШАРАДА: «П-гол». № 7. АНАГРАММА: «Стак — чашка». № 10. ЛОГОГРАФИ: «Гука — река».

№ 8. ЗАДАЧА.

Цена №-ра 30 коп.

ВСЯ МОЛОДЕЖЬ

должна читать свою
МАССОВУЮ ГАЗЕТУ

Молодой Ленинец

СМЕНА

„МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ“ БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ

на 1 мес.	— р. 40 к.
3	— 1 — 20
6	— 2 — 40

ЖУРНАЛ КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

на 1 мес.	— руб. 20 коп.
3	— 60
6	— 1 — 20

ВСЕСОЮЗНЫЙ МАССОВЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

СМЕНА

на 1 мес.	— руб. 55 коп.
3	— 1 — 55
6	— 2 — 95

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Молодой Большевик

на 1 мес.	— р. 40
3	— 1 — 20
6	— 2 — 40

МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ
СО ВСТЕП. ПРИЛОЖЕНИЯМИ

на 1 мес.	— 2 руб. 45 коп.
3	— 7 — 15
6	— 13 — 95

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

КОМАР

на 1 мес.	— руб. 25 коп.
3	— 60
6	— 1 — 20

МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КОМСОМОЛ

на 1 мес.	— руб. 50 коп.
3	— 1 — 40
6	— 2 — 60

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЮНКОР

на 1 мес.	— руб. 20 коп.
3	— 60
6	— 1 — 20

ТОРОПИСЬ С ПОДПИСКОЙ
на „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ!“

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: В Главной конторе—Москва, Леопольвский, 18, во всех почтовых отделениях СССР, во всех отделах „Рабочей Газеты“, „Правды“ и „Известий“.